

**ФРАНЦУЗСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
1815 ~ 1830**

Издательство Ленинградского университета. 1956

**ГЛАВА IV. ВОИНСТВУЮЩИЙ РОМАНТИЗМ. ОГЮСТЕН
ТЬЕРРИ**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*
См. также главу «**Символическая школа. МИШЛЕ**» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/reisov_mich.pdf)

1

Тьерри (1795—1856) был первым французским историком, проложившим широкий путь французской романтической историографии, первым и самым острым полемистом и теоретиком школы.

Он начал свою деятельность как «ученик» Сен-Симона. Три года, которые он провел в качестве секретаря и сотрудника великого социалиста-утописта, оставили свой след в творчестве Тьерри,¹ и потому нельзя рассматривать этот период его биографии как «случайность» или «краткий переломный момент».²

В 1813 году Сен-Симон, очевидно по рекомендации общего знакомого (физика Пекле) послал Тьерри, в то время никому неизвестному 19-летнему учителю в Компьене, свою рукопись «Очерк науки о человеке». В этом сочинении Сен-Симон на основании успехов, достигнутых человеческим разумом, хотел установить, «какой труд оказался бы наиболее полезным для прогресса науки и улучшения судьбы человеческого рода».³ Эту проблему Сен-Симон разрешал при помощи своего «физицизма». В своем ответном письме Тьерри был весьма сдержан. Он советовал Сен-Симону быть осторожным в своих научных обещаниях и писать для широкой публики, т. е. более понятно.⁴ Однако он охотно принял предложение Сен-Симона о сотрудничестве. В октябре 1814 г. появляется сочинение «О переустройстве европейского общества», подписанное Сен-Симоном и «его учеником» А.Тьерри. В мае 1815 г. выходит в свет брошюра «Мнение о мерах против коалиции 1815 года» с именами Сен-Симона и Тьерри, а в январе 1817 г. вдохновленное Сен-Симоном издание: «Литературное и научное производство в союзе с производством коммерческим и промышленным», вторая часть которого — «Политика» — подписана: «О.Тьерри, приемный сын А.Сен-Симона».⁵ Здесь идеи Сен-Симона поставлены на службу либерализму и явно направлены против «бездельного» аристократического сословия «воинов». Тьерри с сочувствием цитирует трактат Руссо «О польском правительстве», который в скором времени он подвергнет острой критике.

«Политика» — последний труд, в котором объединены эти два имени. Летом 1817 г. произошел разрыв, и в нераспроданных экземплярах Тьерри вырвал страницу, на которой стояли слова «приемный сын».⁶ Этот труд был рецензирован во втором томе «*Senseur Europeen*», а в IV томе того же издания появилась статья Тьерри, которой он начинает свой собственный путь: «Общий взгляд на английские революции».⁷

Историю своих научных исканий Тьерри начинает сразу с 1817 г., ни словом не упомянув о своем сотрудничестве с Сен-Симоном. В это время он, по его словам, ненавидел наполеоновский военный деспотизм, но вместе с тем был горько разочарован и в «английских учреждениях», которые он недавно вместе с Сен-Симоном прославлял.

Действительно, в 1814 г. в совместном труде «О реорганизации европейского общества» Сен-Симон и Тьерри утверждали, что английская конституция основана не на предрассудках и обычаях, но на свободе и счастье людей, т.е. на вечных идеалах человеческого рода. Вследствие этого Англия стала «свободной и счастливой внутри». Авторы подробно рассматривают принципы английской конституции и утверждают, что французская конституция строго воспроизводит английскую. Они предлагают всю Европу реорганизовать по английскому образцу, согласно законам, «заимствованным из природы вещей и не зависящим от преходящих верований и кратковременных мнений».⁸ Доброкачественность предлагаемой ими конституции кажется авторам «столь же несомненной, абсолютной и универсальной, как доброкачественность хорошего силлогизма».⁹ Они требуют европейской федерации, увлекаясь той же мыслью, которая лежала в основе книги Мюллера о швейцарском союзе, книги Малле о Ганзейском союзе и книги Сисмонди об итальянских республиках.¹⁰

Между тем за три года, протекшие после выхода книги, обстоятельства сильно изменились. К 1817 г. французские либералы успели разочароваться в Хартии. Хваленая английская конституция, примененная во Франции, не дала ей счастья. Значит, эта конституция, столь удобная для англичан, не годится для французов? Именно так рассуждает Тьерри в своей первой программной статье.

«Присмотримся к словам, которые мы поминутно произносим, - пишет он. - «Власть», «покорность», «правление», «народ», «государь», «подданный» — все эти слова держат в плену нашу мысль.

Все наши теории — те же слова в различных сочетаниях. Но государственный строй, который годился для другого народа и для другой эпохи, не годится для нас, так как у нас другие потребности. В период революции, чтобы избавиться от социальных бедствий, монархию заменили демократией, но от этого не стало лучше. Тогда решили сочетать тот и другой принцип и придумали конституционную монархию, — но результаты ее не замедлили сказаться. Во время революции мы заимствовали конституцию у древних и раскаялись. Во время Реставрации мы заимствовали конституцию у англичан — и также раскаялись. Между тем древние были счастливы со своей конституцией, а англичане, по их словам, счастливы со своей (Тьерри, хоть и сомневается в безупречности английской конституции, все же идеализирует ее). Следовательно, французы должны не заимствовать у других народов государственные формы жизни, а выработать для себя свои, и не путем умственного эксперимента, не произвольной комбинацией конституционных элементов, как то делали «изобретатели законов». Английская конституция создавалась веками в борьбе противоречивых сил и в результате многих революций. Только медленное практическое творчество может создать во Франции государственные формы, соответствующие потребностям современных французов».¹¹

О том, что законы должны соответствовать «нравам» и «традициям», говорил уже Монтескье.¹² О разнице между древним и новым пониманием свободы говорили в XVIII в. и во Франции и в Германии.¹³ Противоречие между идеалами древних и новых республик, по разному толковавшееся политическими мыслителями эпохи, с замечательной четкостью было сформулировано одним из крупнейших деятелей революции, Сен-Жюстом, утверждавшим, что конституция античных республик имела своей целью силу государства, между тем как французская республика стремится к счастью личности.¹⁴

Такое противопоставление было совершенно понятно в период революции, уничтожавшей феодализм. Однако после падения якобинской диктатуры французские либералы рассматривали республику 1793 года, как чисто спартанскую, и противопоставляли ей свои идеалы, ориентированные на конституцию английскую с ее «*Nabeas corpus*». Тем более такие идеалы должны были распространяться в последние годы Империи, строившей свою военную мощь на развалинах свободы и потерпевшей военный крах. В 1814 г. Ташеро де Фарг, «когда-то якобинец, а теперь умеренный либерал, в своей брошюре доказывал возможность примирения республиканцев и роялистов, так как первые отказались уже от спартанско-римского понимания свободы, а вторые от восстановления сословных привилегий».¹⁵ В 1817 г. либеральный «*Senseur Europeen*», в котором с этого же года стал сотрудничать Тьерри, говорил о несовместимости республиканских идеалов античного рабовладельческого общества с идеалами современного общества, построенными на принципе равенства и уважения к труду.¹⁶

В 1818 г. Сисмонди говорил о различии между свободой, к которой стремились античные и итальянские республики, и свободой в современном, «английском» смысле слова.¹⁷ В 1819 г. Дону, автор «либеральной» конституции III года, продолжая ту же тенденцию, в «Опыте об индивидуальных гарантиях» утверждал, что идея личной свободы, лежащая в основе современных республик, чужда была и античности, и средним векам, что борьба за «гарантии» началась только с XV столетия, и современная политическая свобода немыслима без свободы индивидуальной.¹⁸ Почти одновременно с брошюрой Дону Бенжамен Констан напечатал свою речь «О свободе древних в сравнении со свободой новых народов», в которой, полемизируя с Мабли и Руссо, противопоставлял новое понятие индивидуальной свободы («деспотизму») древних республик.¹⁹ Кузен в лекциях 1819—1820 гг., утверждая, что во всяком правительстве есть «элемент свободы», так как каждое правительство есть надстройка над обществом, приходил к выводу, что при средневековых правительствах свободы было больше, чем в древних республиках.²⁰

Несомненно, что противопоставление древней и новой свободы было внушено боязнью народопрательства, отчетливой уже у Монтескье²¹ и ярко выраженной у Констаном. Однако требование индивидуальных гарантий было необходимым оружием в борьбе с роялизмом: это было требование свободы мысли, слова и печати.

Если любая форма правления может превратиться в деспотию, то вопрос о конституции оказывается второстепенным. Важно содержание, а не форма. Этим объясняется равнодушие к форме правления, характерное для либеральной буржуазии в начале Реставрации.

И в этом вопросе либералы как будто смыкались с роялистами, которые отрицали всякие конституции, противопоставляя им традиции и нравы, — конечно монархические.²² Свобода, утверждает роялист Фьеве в своей «Correspondance politique et administrative», не может быть создана конституциями, это естественный результат идей, нравов и учреждений, освященных временем.²³ Особенное раздражение вызывала английская конституция, которая в известной мере послужила образцом для многих конституций, выработывавшихся с 1789 г. Английская конституция, пишет кардинал де Лалюзерн, хороша для Англии, но совершенно не годится для Франции.²⁴ «Социальное устройство, — пишет анонимный автор-роялист, — определено множеством духовных и материальных причин, а потому, пожалуй, так же неразумно было бы навязывать двум государствам совершенно одинаковый образ правления, как и требовать, чтобы два народа были во всем совершенно подобны».²⁵

Но если роялисты рассматривали конституцию 1814 г. как помеху для абсолютизма, то либералам она казалась недостаточной гарантией от монархического произвола. Даже Дону считает безразличной форму власти, — лишь бы она давала индивидуальные гарантии.²⁶ Возобновляя свой журнал «Цензор», Конт и Дюнуайе утверждали, что несчастья народов заключаются не в пороках конституций, а в пороках самих народов, не умеющих ни пользоваться свободой, ни защищать ее.²⁷ «Revue Encyclopedique», «восхищаясь счастливым действием того или иного учреждения на тот или иной народ», протестует против (Перенесения таких учреждений в конституции других народов.²⁸ Тьерри говорит о «молодой политической школе, презиращей праздный вопрос о форме правления, которая примет все только со свободой, но без свободы не примет ничего».²⁹

Тьерри вступает в решительное противоречие с идеями, которыми руководились революционеры 1793 г. Сен-Жюст, протестуя против конституции Кондорсе и требуя, чтобы французская конституция была прямым выражением материальных интересов народа, говорил, что в противном случае «свобода выйдет из сердца и станет изменчивым вкусом ума. Свободу станут видеть во всех возможных образах правления».³⁰ В изменившихся исторических обстоятельствах другой поборник свободы, типичный буржуазный либерал, пришел к совершенно иным и в политическом отношении опасным результатам.

Так Тьерри расстается с «философской» и «конституционной» школой и усваивает взгляды, прямо противоположные его прежним убеждениям. В этом и заключается глубокая эволюция, пережитая им в 1817 г. Теперь он отказывается от всего того, что писал в книге 1814 г. Он смеется над словами, которыми была полна эта книга, над «вечными» и «абсолютными» конституциями, годными во все века и для всех народов, над абстрактным, логическим методом разрешения исторических вопросов и в частности над совершенством пресловутой английской конституции. Разве эта конституция была создана чисто головным путем, как говорили авторы «Реорганизации»? И разве она дает подлинное и окончательное счастье самим англичанам?

«Для человеческого рода не существует ничего абсолютного, ни во зле, ни в добре, — пишет Тьерри. — Потерпевший кораблекрушение, выброшенный на пустынный берег, воскликнет, что он счастлив; а между тем он наг и голоден. Также и народ, которого долго стесняли в его естественных потребностях, почувствовав себя немного свободнее, может сказать, что он счастлив; это означает, что его положение стало более терпимо — и только».³¹

Следовательно, английская конституция — благо весьма относительное, это только передышка после большого бедствия. Действительно, английские учреждения, как вспоминал впоследствии Тьерри, казались ему в то время «более аристократическими, чем либеральными».³²

Таким образом, эта первая самостоятельная статья Тьерри является чем-то вроде манифеста против конституционного принципа французской исторической и политической мысли, блестящим выражением которого была книга «О реорганизации европейского общества». Статья, несомненно, была направлена также против Сен-Симона, и разрыв между учеником и учителем был, очевидно, результатом принципиального философско-исторического и политического расхождения между ними.³³

Вместе с критикой конституционного принципа возникает основная идея «Истории завоевания Англии норманнами», которая должна была разрушить «конституционную версию английской истории».³⁴

Чтобы подтвердить свои предположения относительно английской конституции, Тьерри в начале 1817 г. стал перечитывать Юма.

Вдруг его поразила «неожиданная мысль»: «Все это ведет свое происхождение от завоевания!»

В этой мысли, однако, не было ничего неожиданного. Тьерри просто применил к английской истории теорию завоевания, во французской историографии имевшую вековую давность.³⁵ В XVIII в. она была разработана графом Буленвилье, который завоеванием оправдывал феодальные права аристократии. К мнению Буленвилье склонялся и Монтескье, между тем как Дюбос отрицал и завоевание и порабощение галлов, а Мабли утверждал, что франки, завоевав Галлию, «освободили» галлов от тирании императора и установили нечто вроде «народного правления».³⁶

Публицисты эпохи революции воспользовались этой теорией. В знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?» Сийес, принимая теорию «двух рас», предлагает изгнать долго торжествовавших варваров-завоевателей обратно в их франконские леса, а Туре в двойной борьбе с якобинцами и аристократами в равной мере использует книги Дюбоса и Мабли.³⁷ В том же 1800 г. мадам де Сталь сравнивает якобинскую революцию с германским завоеванием, рассматривая недавние события как войну двух народов.³⁸ В «Рассуждениях о французской революции» она говорит совершенно отчетливо: аристократический строй старой монархии во Франции есть следствие завоевания, а «гражданское право большей части европейских государств и теперь еще покоится на праве завоевания». Бенжамен Констан поддерживает и развивает эту мысль.³⁹ Во время революции была задумана и книга Монлозье, написанная гораздо позднее, в 1804 г., по предложению наполеоновского министра и напечатанная только в 1814 г.⁴⁰

Пытаясь обосновать аристократические привилегии, Монлозье утверждает, что феодальный порядок существовал уже в древней Галлии задолго до Римского завоевания и потому появление в Галлии франков не сыграло в развитии феодализма решающей роли,⁴¹ что франкская аристократия древнее «нового народа», т.е. третьего сословия, что освобождение коммун произошло по инициативе короля, примеру которого последовали и феодалы, и, следовательно, этой свободой галлы обязаны милости «древнего народа». Освобождение коммун, однако, имело своим результатом не мир, но войну между двумя «народами». Монлозье рассматривает борьбу третьего сословия с привилегиями как бунт рабов против их законных хозяев и требует восстановления феодальных прав во всем их объеме.

Как научное исследование, книга Монлозье не представляла интереса, но она вызывала негодование либеральных кругов и переносила спор на историческую почву, «в глубину средневековья». В изначальном разделении «двух великих врагов», «древнего народа» и «нового народа», видели нечто фатальное и неизбывное. Ультрароялисты называли франками всех, кто защищал корону, даже вандейских и бретонских крестьян. Либералы приняли эту теорию «двух рас», но особенно настаивали на первоначальном «завоевании», о котором в книге Монлозье говорилось неясно. Полагая в основу старого порядка военное насилие, либералы хотели показать «незаконность» его и утверждали право «галлов» на равенство с «франками». Эту точку зрения в резкой полемической окраске проводит и Тьерри в статьях 1819—1820 гг.⁴²

Рассматривая французскую революцию как борьбу покоренных с завоевателями, Тьерри должен был в Хартии Людовика XVIII увидеть компромисс между двумя враждебными партиями. Может быть, английская конституция — тоже компромисс? Может быть, за ней, так же как за французской, стоит долгая борьба двух народов?

На этот вопрос давно уже был дан ответ в новой книге Монлозье «О французской монархии после возвращения Бурбонов» (1815). Повторяя то, что им уже было сказано, Монлозье утверждал, что не только во Франции, но и в Англии и даже в древнем Риме происходит борьба между завоевателями и покоренными, и что все конституции являются мирными договорами, капитуляциями или компромиссами.⁴³ Шатобриан еще в декабре 1814 г. называл Хартию «мирным договором, подписанным двумя партиями, на которые разделилась Франция». То же в 1816 г. повторил Гизо.² Мысль, которая Тьерри казалась столь неожиданной, не заключала в себе ничего нового.

Любопытно, что теория, согласно которой общественное неравенство возникло в результате завоевания, была широко распространена в публицистике эпохи английской революции XVII в. Левеллеры и диггеры, наиболее революционные и демократические партии этой эпохи, выдвинули эту теорию. Уайлдмен, Лильберн, Овертон, Уолвин, ссылаясь на «Великую хартию вольностей», требовали восстановления древних свобод, отнятых у народа во время норманнского завоевания, а следовательно, считали современный феодальный эксплуататорский строй результатом завоевания. Уинстенли понимал, что частная собственность в Англии была уже и до завоевания, но феодальный строй объяснял этим завоеванием. Эта теория сыграла большую роль в публицистике левеллеров и диггеров и в их борьбе с индипендентами и другими партиями.⁴⁴

Ничего нового не было и в другой теме, привлечшей к себе внимание Тьерри, — о средневековых коммунах. О борьбе коммун с феодалами говорили и Монлозье и Сисмонди, а Хартия датировала историю французской «свободы» грамотами королей коммунам. Естественно, что в борьбе коммун с феодалами Тьерри увидел «золотой век свободы» и вместе с тем первый опыт революции, которая привела к ниспровержению феодального строя. В книге Сисмонди было видно, как актуальна эта патетическая история городских республик.⁴⁵ И в красноречивых строках Тьерри прославляет этих старых галлов, «наших предков» из глубины времен указавших своим потомкам путь к освобождению.

Выводы, которые современные французы должны сделать из истории средневековой свободы, очевидны: если во Франции происходит борьба двух народов, то покоренные могут добиться освобождения только в борьбе. Между тем, Хартия утверждала, что коммунальные вольности были «пожалованы» королям так же, как Людовик XVIII «пожаловал» конституцию 1814 года. То же, как мы видели, говорил и Монлозье. Нужно было за этими жалованными грамотами обнаружить борьбу, чтобы показать необходимость борьбы в настоящее время. В этом и заключалась первоначальная цель «Писем о французской истории».

Тьерри и поэтам рекомендует обратиться к прошлому и, воспевая, подобно Томасу Муру в его «Ирландских мелодиях», деяния предков, павших в борьбе за свободу, вдохновлять современников на такие же патриотические подвиги. Современная французская литература, по мнению Тьерри, должна быть не «классической», а «национальной», вместо бесконечного подражания древним она должна дать «живое изображение современных душ и идей, она должна протестовать за нас, сожалеть вместе с нами, говорить нам о Франции и ее судьбах, об участии наших предков и наших потомков». ⁴⁶ Так Тьерри становится на позиции романтизма, в то время вступившего в фазу решительной борьбы с «классиками».

Прошлое и будущее связаны у Тьерри неразрывно: говорить о предках — значит говорить о потомках, и только исторический жанр может пробудить вместе с национальным чувством пафос борьбы за лучшее будущее, за новую, демократическую, возникающую из тьмы средневековья Францию.

2

В поисках аргументов для своих политических теорий Тьерри все глубже уходил в прошлое, но это был только первый этап его научного пути. «Если я и думал стать историком, — пишет Тьерри, — то только как писатели философской школы, чтобы извлечь из рассказов какие-нибудь аргументы, чтобы доказывать в общих чертах, а не повествовать в подробностях». ⁴⁷

Но, отвергнув «конституционную» теорию, Тьерри уже не мог удовлетвориться теми прямолинейными доказательствами, которые извлекали из истории представители старой школы. Ведь каждому народу в различные эпохи его существования необходимо особое государственное устройство, соответствующее его меняющимся потребностям и идеалам. Следовательно, тайна истории заключается в этих национальных и исторических особенностях народа, в своеобразии эпох. Однако только в результате двухлетней работы над материалом Тьерри смог сделать этот естественный вывод из позиции, принятой им в 1817 г.

Прочитав компилятивные труды по истории Франции и подбирая свои аргументы в систематическом порядке, Тьерри усваивал новый историографический принцип: «Я стремился к тому, чего не было у моих предшественников и чего не было у меня самого в первых опытах по английской истории. Я поставил себе за (Правило не смешивать красок и понятий, оставляя за каждой эпохой ее оригинальность, словом, строго сохранять хронологический порядок в нравственной характеристике эпохи, так же как и последовательности событий. В результате такого принципа у меня изменились стиль и манера; смягчилась моя прежняя жестковость повествование стало более последовательным; иногда оно окрашивалось местными и индивидуальными тонами». ⁴⁸

В это время Тьерри всерьез занялся английской историей. Большую роль в его методологическом развитии сыграла работа Шерон-Тернера, посвященная истории англосаксов (1805, 3 т.) и изобилующая сведениями о нравах и государстве, цитатами из бардов и скальдов и т.п. Это была типичная «эрудиция» XVIII в., но приведенные в книге материалы вызвали у Тьерри совсем особое чувство. Только теперь он понял, что история шире, чем он ее себе представлял, и что нельзя подменять ее рассуждениями политического характера. «Я почувствовал необходимость перейти от абстрактного к конкретному, изучить народную жизнь во всех ее проявлениях и, чтобы разрешить проблему антагонизма между двумя классами общества, прежде всего изучить народы в их изначальном различии». ⁴⁹

С такой точки зрения особенно благодарной была история Ирландии, где упорная борьба кельтов с завоевателями продолжалась еще в XIX в. История Шотландии была менее выразительна, но зато происходившая в ней национальная борьба имела замечательного интерпретатора в лице Вальтер Скотта, «драматизировавшего эту вечную вражду во многих своих романах». ⁵⁰

Действительно, в «Веверлее» можно было обнаружить то, что угадывал Тьерри за осторожными выражениями историков-профессионалов. То же он мог найти в «Роб-Рое» (1817) и в «Легенде Монтроза» (1819). Но особое значение для него имел «Айвенго» (1819).

Гениальный Вальтер Скотт, пишет Тьерри в специальной статье об этом романе, правдиво изобразил события, искаженные фразами современных историков. Он понял огромное значение завоевания. Для него это не только смена династии, не «заговоры» и не «государственные мероприятия». Это — установление нового государственно-правового строя, установление новых экономических, правовых и нравственных отношений между людьми. ⁵¹

Много раз Тьерри возвращается к Вальтер Скотту. «Он первый вывел на сцену различные нации, постепенное слияние которых образовало главные европейские народы. Упомянул ли хоть один европейский историк о саксах и норманнах, рассказывая об эпохе Ричарда Львиное Сердце? Заметил ли кто-нибудь в шотландских восстаниях 1715 и 1745 годов хотя бы малейший след национальной вражды горцев, потомков гэлов, к англичанам, потомкам саксов?»⁵²

«Я глубоко восхищался этим великим писателем, — вспоминает Тьерри через пятнадцать лет. — Восхищение мое увеличивалось по мере того, как я сравнивал его изумительное понимание прошлого с убогой и тусклой ученостью крупнейших современных историков... С восторгом я приветствовал появление шедевра — «Айвенго». Вальтер Скотт бросил свой орлиный взгляд на тот исторический период, на который вот уже в течение трех лет были направлены все усилия моей мысли. С характерной для него смелостью исполнения он расположил на английской земле норманнов и саксов, победителей и побежденных, все еще, через сто двадцать лет после завоевания, готовых броситься друг на друга. Он поэтически изобразил одну сцену той долгой драмы, которую я старался воспроизвести с терпением историка. Все, что было правдивого в основе его произведения: общие черты эпохи... политическое положение страны, различные нравы и взаимоотношения людей, принадлежащих к разным классам, — все согласовалось с линиями плана, который складывался в то время в моем уме. Признаюсь, что посреди сомнений, сопровождающих каждую добросовестную работу, мое воодушевление и уверенность удвоились благодаря той косвенной санкции, которую получила одна из любимых моих идей со стороны того, кого я считаю величайшим из когда-либо существовавших мастеров исторической дивинации».⁵³

Тьерри, по-видимому, читал «Айвенго» во французском переводе, вышедшем в начале 1820 г. После «Айвенго» старые французские хроники, которые он как раз в это время изучал, должны были заиграть для него новым светом.

Имели значение для Тьерри и французские художники-«медиевисты» — конечно, не «стиль-трубадур» графа де Трессана и не «Поэтическая Галлия» Маршанжи. В 1810 г., еще школьником, Тьерри прочел «Мучеников» Шатобриана. Он был очарован историческим колоритом этой поэмы, особенно описанием сражения между римлянами и франками и, чеканя шаг на каменном полу коллежа, он стал декламировать знаменитый бардит: «Фарамонд! Фарамонд! Мы бились мечами!...» «Этот момент был, может быть, решающим для моего будущего призвания», добавляет Тьерри.⁵⁴

Мы видели, что интерес Тьерри к средневековью имел совсем другое происхождение, а «местный колорит» появился у него значительно позже и на другой основе. Да и сам Тьерри говорит, что он «забыл» об этом юношеском впечатлении и вспомнил о нем только когда писал «Рассказы из времен Меровингов» (начало 1830-х годов). Поэтому говорить о «решающем» значении «Мучеников» для исторического призвания Тьерри нельзя. С 1810 г. осталось только некоторое «предрасположение» к средневековым темам, которое помогло Тьерри представить себе варварскую эпоху первоначального завоевания и нравы первых франкских королей.

Отношение Тьерри к историческим фактам меняется. «Продолжая (подчинять факты своим целям, я с любопытством присматривался к ним даже тогда, когда они не могли быть использованы для дела, которому я служил, и всякий раз как я находил немного жизни и местного колорита в персонаже или событии средневековья, я испытывал невольное волнение».⁵⁵ Какая огромная разница между этими наивными повествованиями, в которых движутся и действуют настоящие живые люди, и «благородными» абстракциями историков эпохи классицизма! «По мере того как я углублялся в чтение (памятников), к острому удовольствию... присоединялся глухой гнев на современных писателей, которые... изображали события в ином свете, искажали характеры, всему придавали ложный колорит или совсем обесцвечивали картину. Особенно велико было мое негодование, когда мне случалось сравнивать действительную историю Франции, такую, какой я наблюдал ее лицом к лицу в подлинных памятниках, с пошлыми компиляциями, узурпировавшими имя истории и распространявшими в школах и в обществе, как символ веры, самые невероятные нелепости».⁵⁶

Во время этой работы, в «лабиринте сомнений и трудностей», Тьерри вдруг почувствовал удивительное спокойствие, — признак того, что он нашел, наконец, свое настоящее призвание. «Я решил написать историю завоевания Англии норманнами, начиная от общих его причин и кончая последними его результатами; изобразить это великое событие как можно более правдивыми красками и в самых разнообразных аспектах; показать это множество событий не только на английской почве, но и во всех тех странах, которые в той или иной степени испытали воздействие норманнов или влияние их победы. В этой широкой рамке я уделил место всем тем важным вопросам, которые меня последовательно занимали: происхождению современной аристократии и первобытных племен, их духовному развитию и сосуществованию их на одной почве, наконец вопросу о самом историческом методе, вопросу формы и стиля, который я поднял недавно в своих «Письмах об истории Франции». Я хотел применить на практике то, что я советовал другим, и на свой страх и риск

проверить свою теорию опытом: словом, я хотел создать произведение научное и вместе с тем художественное, создать увлекательное сочинение при помощи материалов, тщательно и добросовестно изученных».⁵⁷

Огромная эпопея норманнского завоевания вышла в свет в мае 1825 г.⁵⁸ Через два года после этого, в июне 1827 г., появилось первое издание «Писем о французской истории».⁵⁹ Два эти произведения создали эпоху во французской историографии, хотя основные их идеи были известны читателям Тьерри по журнальным публикациям 1817—1820 гг.

Известно, как высоко ценил Маркс труды Тьерри. Говоря о буржуазных историках, открывших в истории классовую борьбу, Маркс имел в виду и Тьерри. Какова была убедительность «теории завоевания» в изложении Тьерри, явствует из письма Энгельса к Марксу.⁶⁰ Однако роковая ошибка Тьерри заключалась в том, что, указав на классовую борьбу между «третьим сословием» и дворянством, он не увидел этой борьбы внутри «третьего сословия». Особенно ярко обнаружилась буржуазная ограниченность Тьерри после того, как в результате революции 1830 г. к власти пришло то «третье сословие», которое он так прославлял. Последняя книга Тьерри, появившаяся уже после февральской революции, в 1853 г., доказывает это с полной очевидностью: Тьерри классовые противоречия видел только в прошлом, когда буржуазия вместе со всем народом вела борьбу с дворянством. Под именем «третьего сословия» Тьерри понимает весь народ, не видя противоречия между буржуазией и пролетариатом. Вот почему события 1848 г. потрясли его. Ведь он был уверен, что революция впредь невозможна, так как с победой буржуазии окончилась борьба завоевателей с покоренными, т.е. закончилась классовая борьба.

Эту ошибку вскрывает К. Маркс в письме к Энгельсу, вместе с тем указывая на большую историческую заслугу Тьерри: «Удивительно, как этот господин, le pere⁶² «классовой борьбы» во французской историографии, гневается в предисловии на «новых», которые, с своей стороны, видят антагонизм между буржуазией и пролетариатом и полагают, что следы этого противоречия можно открыть уже в истории tiers-état⁶³ до 1789 года». «Если бы господин Тьерри прочитал наши вещи, то знал бы, что решительный антагонизм между буржуазией и peuple,⁶⁴ естественно, начинается лишь тогда, когда она перестает противостоят clergy и noblesse² в качестве tiers-état. Что же касается «racines dans l'histoire» «d'un antagonisme ne d'hier»,⁶⁵ то как раз его книга дает наилучшее доказательство того, что racines⁶ эти появились с возникновением самого tiers-état».⁵

Маркс говорит это об «Истории возникновения и развития третьего сословия», но то же, конечно, относится ко всем произведениям Тьерри.⁶⁷

Теория завоевания, сделавшая Тьерри историком, влекла за собою целый комплекс исторических проблем и вызвала сдвиги в современной исторической науке.

Прежде всего, с такой точки зрения особый интерес приобрело средневековье, так как оно определило основные формы государственной и правовой жизни Европы на много столетий, вплоть до настоящего времени. Чтобы объяснить свою современность и самих себя, нужно было обратиться к эпохе завоевания. Самый глухой период европейской истории ожил и стал современностью. Людей Реставрации он волновал так же, как борьба, которую они сами вели.

Этим и объясняется страстный тон, в котором выдержаны исторические труды Тьерри. Казалось, в истории он продолжает свою борьбу. «Можно подумать, — писал Сальванди, рецензируя «Историю завоевания Англии», — что он описывал прошлое со взорами, устремленными на настоящее. В книге его есть нечто, напоминающее ожесточение битвы».⁶⁸ «Публицистикой» объясняли и постоянную симпатию Тьерри ко всем побежденным народам — галлам, бретонцам, саксам.

Конечно, нет исторического интереса, «свободного» от задач и интересов современности. Но сочувствие и негодование, с которыми Тьерри писал свои исторические труды, не делают их «публицистическими» в узком смысле этого слова и не уничтожают их серьезных научных достоинств. Напротив, только эта огромная страсть сделала Тьерри историком, заставила его воссоздать воображением исчезнувшие эпохи и наполнить их живой человеческой эмоцией. Она позволяла ему за каждым словом средневекового хрониста угадывать нравственное состояние народа и причины вековых процессов. Острое чувство современности помогало ему в его историческом труде. Ренан лишь повторяет то, что говорил о себе сам Тьерри: «Утверждали, что деятельное участие молодого Тьерри в политической борьбе повредило его историческим трудам, — как будто главное условие исторического исследования заключается в некоей пассивной безличности, воспроизводящей без всякого изменения и без тонкой их интерпретации свидетельства хроник. Это значит упрекать его в том, в чем заключалось самое существо его гения. Широкого понимания дел человеческих можно достигнуть, лишь почувствовав настоящее, а настоящее открывает свою тайну только тому, кто в нем участвует».⁶⁹

Уже у Буленвилье теория завоевания представляла собою не что иное, как теорию возникновения французских государственных учреждений. Работы Тьерри продолжали ту же традицию, хотя и приводили к принципиально иным выводам. Это была все та же история учреждений, которую с разных позиций изучали и Франсуа Отман, и Фрере, и Дюбос, и Мабли, и Монлозье. Однако у Тьерри теория завоевания ввела в историю новое действующее лицо — народ.

«В тех повествованиях, которые мы называем «французской историей», — пишет Тьерри, — ... в рассказах, неясных и напыщенных, сцену занимают только несколько привилегированных персонажей, а народ исчезает за придворными плащами». Чтобы написать французскую историю заново, нужно прежде всего отказаться от исключительного преклонения перед так называемыми «героями». Подлинный историк Франции «должен любить людей как людей, независимо от их славы или общественного положения; он должен обладать чувствительностью, достаточно обостренной для того, чтобы полюбить целый народ, и следить за его судьбой в течение столетий, как следят за другом, совершающим опасное путешествие».⁷⁰

«Несчастья королей! Гений тех, кто основывал империи! — вот слова, которые до сих пор больше всего возбуждают наше сострадание или восхищение. Понятно, что королей трогают несчастья королей больше, чем несчастья других людей... Но что значат для нас, граждан и детей граждан... бедствия Карла Стюарта по сравнению с бедствием всего английского народа? И какой интерес представляет коварство Кромвеля по сравнению с великой идеей свободы? Король погиб. Но сколько людей погибло на противоположной стороне!.. Король умер: но народ, который не мог умереть, принужден был созерцать в себе самом орудие своего собственного порабощения».⁷¹

«Самая лучшая часть наших анналов, — писал Тьерри в следующем году, — самая серьезная, самая поучительная, еще не написана; у нас нет еще истории граждан, истории подданных, истории народов... Такая история могла бы заинтересовать нас судьбой человеческих масс, живших и чувствовавших так же, как мы... Движение народных масс к свободе показалось бы нам более величественным, чем походы завоевателей, а их бедствия тронули бы нас больше, чем несчастья лишенных престола королей. В такой подлинно национальной истории... Франция выступила бы перед нами со своими различными городами и национальностями, которые стали бы для нас коллективными существами, одаренными волей и способностью к действию».⁷²

Эта мысль легла в основу «Истории завоевания Англии», пишет Тьерри, заканчивая свое повествование.

«Исторические персонажи — не Ричард, король английский, не Филипп, король французский... но большие массы людей и различные народы, которые одновременно или поочередно выступали на предыдущих страницах, так как основная задача этой истории — изобразить судьбу народов, а не нескольких знаменитых людей, рассказать приключения жизни общественной, а не жизни индивидуальной».⁷³

Кажется, впервые в новой историографии субъектом истории оказывается народ. Когда старые историки говорили о «французах», воевавших с «англичанами», и о «римлянах», покоривших «галлов», это была, по мнению Тьерри, простая логическая абстракция. Он хочет наполнить эти слева конкретным историческим содержанием. Целые народы, население городов и равнин, горные племена и морские пираты толпами движутся на громадных пространствах, сталкиваются, расселяются на завоеванной земле, создают сложные этнические образования. В огромной драме «завоевания Англии» короли и принцы, епископы и папы сменяют друг друга, гибнут в битвах и под ножами убийц. Но не в них заключается смысл событий. Массы продолжают жить, и гибель вождей, поражения и победы являются лишь отдельными актами длящейся столетия драмы.

Теперь народ не просто сумма индивидуумов, цифровое данное, определяющее силу столкнувшихся армий и шансы полководцев. Он приобретает собственное лицо, индивидуальные особенности, которые определяют его судьбу, характер его деятельности, направление интересов и роль в мировой цивилизации. Естественно и необходимо вступает в историю этнография и вместе с тем проблема национальностей. Это новая точка зрения, представляющая историю завоевания в совсем ином виде.

Философско-историческая система Тьерри стоит в полном противоречии со всеми тенденциями политической мысли XVIII в. В полном противоречии с ними стоит и теория национальностей, которая является краеугольным камнем исторических конструкций Тьерри. Она восходит к тому национальному подъему, который был, с одной стороны, результатом французской революционной пропаганды, с другой — реакцией на унитарные ее тенденции и наполеоновскую оккупацию. Эта теория национальностей, тесно связанная с национальным чувством Тьерри и с симпатией к угнетенным народностям, вдохновляет все его творчество и определяет не только ведущие идеи его произведений, но и художественные их особенности.

Борьба национальностей, по мнению Тьерри, составляет содержание европейской истории с того момента, как на развалинах Римской империи стали возникать новые государственные образования. Романизация Европы не привела к уничтожению национальных различий и к культурной унификации этих территорий, но все же установила государственный режим, исключая систему национального господства. Падение Римской империи ввергло замиренный и живущий в системе известных гражданских законов мир в хаос насилия и несправедливости, из которого и возникла новая Европа, узаконившая это несправедливое и зафиксировавшая в социальных формах это первоначальное насилие.

Тьерри отнюдь не считает завоевания явлением исключительным или редким в мировой истории. Они происходили всегда, но особенность германского завоевания была в том, что это было завоевание варварское, сопровождавшееся истреблением или порабощением побежденного народа. Вот почему в средние века борьба народностей приобретала такой ожесточенный характер. «История завоевания Англии норманнами» пыталась перестроить четырехвековую историю не только Англии, но и Франции. События, хорошо известные и одинаково излагавшиеся во всех учебниках, выступили в новом свете. То, что прежде считалось произвольными актами королей и феодалов, оказалось следствием глубоких причин: борьбы народностей, различных экономических интересов и национальных культур.

Уже в статье 1820 г., стоящей на грани литературной «хроники» и исторического этюда, Тьерри высказал этот взгляд на природу «внутренних» средневековых войн: они являются признаком сосуществования в пределах одного государственного объединения многих, все еще не примирившихся друг с другом народностей («races d'hommes»). За распрями королей и сеньеров стояли народы, — «так как короли и сеньеры были не одни, когда они вступали в сражение, и их могущество не могло бы заставить людей жертвовать жизнью ради выгод или страстей других людей. Сущность этих войн была национальная... Но современные историки, не понимая этого, всегда толкуют их как войны феодальные. Когда они встречают латинское слово «dux», часто означающее «вождь народа», они всегда передают его словом «duc» (герцог), которое необходимо заключает идею добровольного подчинения. Свободные вожди баскского народа становятся герцогами Гасконскими, вождь бретонцев получает название герцога Бретонского... Так великие подвиги национального освобождения превращаются в простое нарушение феодального долга».⁷⁴

Теми же причинами Тьерри объясняет войны австразийских и нейстрийских франков: желая стать во главе франкской конфедерации, австразийские франки провозглашали своими королями сыновей нейстрийских королей и побуждали их к восстанию против отца. Это соперничество (между австразийскими и нейстрийскими франками) вызвало гражданские войны, результатом которых была смена династии. Победа австразийских франков обусловлена была характером этого племени, постоянно пополнявшегося новыми пришельцами с Востока. Энергия Каролингов и изнеженность Меровингов лишь отражали особенности этих двух франкских племен. Освобождение Аквитании было «энергичной реакцией национального духа южан против правления завоевателей». Раздробление франкского королевства при второй династии, так же как и разделение государства на две части при первой, нельзя объяснять ошибками королей: «Все это было делом национального духа и больших людских масс, противиться которым не в состоянии никакая сила».

Следовательно, не бездарность сыновей Карла была причиной этого расчленения. Аналогичные события, происшедшие на наших глазах, должны были бы послужить уроком для историков. Наполеоновская империя, насильственным образом объединившая множество разных национальностей под властью одного народа, распалась еще при жизни своего создателя, когда он в полной мере обладал всеми своими военными и политическими талантами.⁷⁵

Так определяет Тьерри роль личности в истории. Он не упраздняет «великих людей», он не хочет развенчивать их к вящей славе масс. Он оставляет за ними и силу гения и качества воли. С глубокой симпатией следит он за делами своих героев, которые под его руками становятся понятными и человеческими, не утрачивая своего нравственного величия. Но в его изображении они не изолированы от масс, их индивидуальная воля есть воля больших человеческих коллективов, цели которых они пытаются осуществить. Только в этом и заключается их сила. Они совершают лишь то, что при данных исторических условиях в состоянии совершить стоящий за ними народ.

Вместе с тем в его изложении массы сохраняют свою творческую активность. «Удивительно, с каким упрямством историки отказывают массам в инициативе и в сознательной роли. Если послушать летописцев и поэтов, целый народ эмигрирует и находит себе новые места для поселения только потому, что какой-нибудь герой решает создать государство и прославить свое имя. Новые обычаи устанавливаются потому, что их придумывает какой-нибудь законодатель; город возникает потому, что его создает какой-нибудь государь; народ и граждане становятся только материалом для замыслов одного единственного человека».⁷⁶

Тьерри защищает Вильмена от упрека в том, что в своей «Истории Кромвеля» он почти ничего не сказал о первых сорока годах жизни Кромвеля и не постарался внушить симпатию к его жертве. Ни Кромвель, ни Карл I не представляют интереса как личности, они могут привлечь внимание историка только потому, что за ними скрывались борющиеся социальные силы. Однако здесь Тьерри стоит скорее на нравственно-политической, чем на философско-исторической точке зрения, которая появляется в его трудах лишь позднее.

В «Истории завоевания Англии» мелькает, правда с оговоркой и случайно, мысль о «провиденциальном» характере великих людей. «Это был человек неутомимой энергии, — пишет Тьерри о Карле Великом, — одаренный организаторским гением, охватывающим все, от общего до малейших деталей, человек, который, по странной случайности, появляется почти в том же своем виде в самые различные эпохи». ⁷⁷ Однако в первом издании этой фразы не было; она появилась лишь в позднейших изданиях и была, несомненно, навеяна лекциями Кузена. Это отзвук мысли, распространенной во французской философии истории, — о том, что провидение в критические эпохи посылает в мир отмеченного особыми дарованиями человека для того, чтобы он совершил подвиг, стал спасителем или «бичом» и, повернув человечество на новые пути, исчез. Однако Тьерри разрешает проблему иначе: эти обстоятельства выдвигают человека, обладающего соответствующими данными, и такие люди совершают то, что им должно совершить, потому что возглавляют собою массу, охваченную могучим импульсом. Таковы Карл, Кромвель, Наполеон.

Последовательно проводит Тьерри свои взгляды в «Истории завоевания Англии». Национальной рознью между различными племенами, населявшими Галлию, объясняет он знаменитые «семейные» войны Генриха II и его сыновей: «Несчастья Генриха Плантагенета вызваны тем, что под его владычество попали южные провинции Галлии. Он радовался этому увеличению своего могущества, как величайшему счастью; он дал во владение своим сыновьям чужие страны, гордясь тем, что его фамилия царствует над многими народами разного происхождения и разных нравов, что он объединил под одним скипетром то, что разъединила сама природа. Но природа не утратила своих прав, и при первом же движении народов, пытавшихся вернуть себе свои права, раздоры вошли в семью короля-чужеземца, и его собственные дети стали орудием его подданных против него самого; и терзаемый до последнего своего часа семейной войной, он, умирая, познал величайшее несчастье, какое может человек унести с собой в могилу, — сознание, что он умирает от руки отцеубийцы». ⁷⁸

Изучение английских баллад, а тем более романов Вальтер Скотта должно было натолкнуть Тьерри на весьма эффектное доказательство его теории. Разбойников Робин-Гуда народная фантазия изображала как борцов за древнюю свободу: только в Шервудских лесах жило англосаксам легко и привольно. Тьерри также рассматривает разбойничество, как последнее проявление национальной независимости и акт мщения по отношению к завоевателям-норманнам. Теми же причинами Тьерри объясняет и религиозные смуты, происходившие в завоеванной Англии и Ирландии. Примером такого анализа может служить эпизод Томаса Бекета, погибшего в борьбе с Генрихом II (книга IX). Однако именно этот эпизод, с такой любовью разработанный Тьерри, вызвал серьезные возражения.

Уже Сисмонди в рецензии на только что появившуюся «Историю завоевания» усомнился в том, что Бекетом руководили идеи национальной свободы. ⁷⁹ Затем, незадолго до смерти Тьерри, были опубликованы документы, доказывавшие норманнское, а не англосаксонское происхождение Бекета. Сам Тьерри был смущен этими документами и перед смертью стал пересматривать вопрос, хотя и не смог внести каких-либо поправок в текст своей книги. ⁸⁰

Впрочем, никакие документы не решают дела: независимо от своего происхождения Бекет мог принять к сердцу участь своей паствы и во имя ее интересов отстаивать права церкви от покушений короля. ⁸¹ Однако борьба в данном случае объяснялась не одними только национальными страстями, но классовыми интересами, требованиями церковной политики, деятелем и жертвой которой стал Бекет, и религиозными убеждениями, требовавшими независимости церкви от королевской власти.

Печатая свои первые статьи об английских революциях, Тьерри и революцию 1648 года и реставрацию Стюартов объяснял как борьбу завоевателей и покоренных. Ту же борьбу он видел и во французской революции, и в Реставрации Бурбонов. Но была ли это борьба национальностей?

Тьерри не раз упрекали в том, что он слишком «затягивает» процесс завоевания, отыскивая следы национальной борьбы в периоды, когда национальная рознь давно прекратилась. Это, конечно, справедливо, однако нужно помнить, что социальная борьба для Тьерри не была борьбой национальностей, но была лишь вызвана ею. Он отлично понимал, что в современной ему Франции происходит борьба не национальная, а социальная. Нужно признать, пишет он, что «на французской земле есть два враждебных лагеря... Каково бы ни было смешение двух первоначальных народов, их постоянно противоборствующие тенденции живут до наших дней в двух до сих пор отличных частях нашего слившегося населения. Дух завоевания оказался сильнее

природы и времени; он все еще реет над этой несчастной землей. - Благодаря этому кастовое различие последовало за различием крови, сословное различие последовало за кастовым, различие званий (titres) за различием сословным. Современная аристократия со своими претензиями восходит к привилегированным людям XVI в.; эти последние утверждали, что они происходят от людей XIII в., которые считали себя потомками франков Карла Великого, предками которых были сикамбры Хлодвига. Здесь можно опровергать только биологическую преемственность; политическое происхождение очевидно».⁸²

«Народ завоевателей, — говорит Тьерри в «Истории завоевания Англии», — стал привилегированным сословием, как только он перестал быть отдельной нацией... Он пополнялся выходцами из низших классов».⁸³

Из этих слов явствует, что борьбу, совершающуюся в современной Франции, Тьерри рассматривал не как национальную, но как классовую. Это была борьба с социальной системой, возникшей в результате завоевания. Впоследствии эта идея принимала все более отчетливые формы, и только благодаря двусмысленности выражений, которыми пользуется Тьерри, критики могли упрекать его в том, что вплоть до 1830-х годов социальные отношения он интерпретирует как национальные. «Уже после появления моего второго «Письма (о французской истории)» антилиберальные журналисты... обвиняли меня в том, что я хочу вызвать расчленение Франции», — вспоминает Тьерри.⁸⁴ Действительно, реакционная критика пыталась представить его теорию общественной борьбы как теорию борьбы национальной, чтобы тем легче ее опровергнуть. В том же обвиняли и Гизо, говорившего о двух народах в своей брошюре 1820 г.⁸⁵ Еще в 1853 г. те же упреки повторил легитимист А.Неттеман.²

Однако либерал Сисмонди говорит о «беспристрастии» Тьерри, констатировавшего прекращение национальной борьбы между победителями и покоренными уже после Генриха VII, — хотя это, будто бы, и шло вразрез с его взглядами и могло повредить интересу его книги.⁸⁶

Г.В.Плеханов убедительно показал, как национальная борьба переходит в изложении Тьерри в борьбу классовую.⁸⁷

Вместе с тем отпадает и обвинение в том, что Тьерри якобы возбуждает национальную рознь, сглаженную временем, и восстанавливает одну часть французов против другой. Правда, в статье об «Ирландских мелодиях» Мура Тьерри прославляет упорство, с каким ирландцы сохраняют свое национальное самосознание и не желают признать правом совершенное над ними насилие.⁸⁸ В статье об «Айвенго» он сожалеет о том, что старый саксонец Седрик позволяет своей дочери присоединиться ко двору короля-завоевателя: «Это окончание удовлетворяет человеческое сердце; оно горестно сердцу патриота: но автор не мог исказить историю, ведь саксонцы не сумели сломать свое ярмо».⁸⁹ Он советует французским девушкам — не следовать примеру Анны Болейн и не изменять своему происхождению даже ради королевской короны.⁹⁰ Он не хочет прославлять рыцарство, так как он потомок крестьян — «жаков», павших жертвами рыцарского мщения.⁸ В «Истории завоевания Англии» Тьерри прославляет кельтов за упорство, благодаря которому они сохранили свою территорию и свою национальность, прославляет всякое местное восстание саксов, кельтов, бретонцев против завоевателей и считает основной задачей Ирландии восстановить свою независимость и расторгнуть унию с Англией. Он оправдывает восстания, вспыхивавшие во французских провинциях против владычества не только английского, но и французского; в Бертроне де Борне, которого считали истинным рыцарем-забиякой и авантюристом, он видит поборника национальной независимости и называет «самой несчастной порой» для Прованса тот момент, когда он стал французским.

Тьерри как будто требует национальной вражды во что бы то ни стало. Однако вчитаемся в тексты. Тьерри не хочет возрождать древние раздоры. Напротив, он считает задачей истории показать единство и солидарность человеческого рода. Завоевание столкнуло в смертельной ненависти друг к другу провансальца и француза, галла и сакса, сакса и норманна. Ненависть и вражда прекратятся, когда прекратится социальное подчинение.⁹¹

Приписывая одному только завоеванию все то зло, от которого страдали средневековые и современные народы, Тьерри явно искажает историю. «Свобода, — пишет он в 1820 г., — первая необходимость, первое условие социальной жизни, исчезала только благодаря насилию, благодаря завоеванию, осуществленному военной силой. Один только страх создавал рабов».⁹² Ему кажется, что до завоевания народы жили счастливой жизнью, и социальные бедствия и неравенство отсутствовали. По всей «Истории завоевания» проходит эта идея, нигде ясно не выраженная, но ощущаемая, как основной фон повествования. Шерон-Тернер, книга которого послужила для Тьерри основным источником сведений, несмотря на все свои симпатии к англосаксонскому периоду, признавал саксов самым скверным и наименее цивилизованным из германских племен и предостерегал своих читателей от чрезмерной идеализации этой эпохи. Столь восхищавший Тьерри Вальтер Скотт показал, что у англосаксов также были рабы, носившие ошейники и стоявшие вне закона, и что изображать древнее англосаксонское общество, как некий земной рай, как невинное и блаженное состояние,

невозможно. С другой стороны, отнюдь не все саксы после завоевания оказались рабами, и «Айвенго» прямо опровергает любимую идею Тьерри. Седрик может быть назван «рабом» только фигурально: он остался землевладельцем и рабовладельцем, и традиции, которые он чтит, — это традиции рабовладельческого общества. С точки зрения Вальтер Скотта, с завоеванием Англии изменился только политический строй страны, но ни в коем случае не социальный. Однако в «Истории завоевания Англии» нет отчетливых воспоминаний об этих персонажах: помещик и раб сливаются в одном национальном наименовании англосаксов, скрывающем все социальные различия. Там же, где Тьерри пришлось вплотную говорить об «Айвенго», он называет Седрика «саксом-рабом» и сблизает Гурта и его хозяина в общей ненависти к завоевателям.⁹³ Тьерри интерпретирует роман Вальтер Скотта произвольно и с иной, для Скотта не характерной, точки зрения: идеалом политической принципиальности оказывается то, что у Скотта окрашено чудачество старика, и национальным интересом объясняется то, что Скотт рассматривает как явление «чистой нравственности», «собачьей», вопреки собственным интересам, верности старого потомственного слуги. У Скотта поведение Гурта — упрек и урок капризному Седрику, между тем как у Тьерри оно оказывается прямым союзом раба и господина ради общей их выгоды. Впрочем, Тьерри мог бы сослаться на собственную свою теорию, согласно которой деспотизма нет в той стране, которая не знала завоевания, — даже если он несомненно есть. В только что цитированной статье он утверждает, что турок, живущий под абсолютным деспотизмом, свободен, так как турецкая система возникла без завоевания, т.е. не насильственным путем.⁹⁴ И поскольку Седрик и Гурт — оба саксы, нужно думать, что Гурт так же свободен, как и Седрик.

Тьерри, по словам Плеханова, «понимал феодальный строй в его разложении, но не в его происхождении».⁹⁵ Объясняя классовую борьбу завоеванием, он указывал на то, что само это завоевание объясняется экономическими причинами, и в речи Вильгельма Завоевателя, как и повсюду в своих сочинениях, высказал это с большой точностью. Но он не понял, что экономические силы остаются в действии и тогда, когда никакого завоевания нет, и что феодальный строй порождается этими экономическими силами.

Другой ошибкой Тьерри было неверное понимание национальности. Разрабатывая это понятие в обстановке современной политической борьбы, Тьерри перенес представления о национальности в раннее средневековье и в эпоху развитого феодализма. «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».⁹⁶ «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма».⁹⁷ Этого Тьерри не понимал. Он объяснял племенную ненависть раннего средневековья, борьбу различных цивилизаций и экономических интересов, хищнические войны и т.д. одной вечно действующей, всегда одинаковой причиной, — борьбой за национальную независимость, вызванной завоеванием. Таким образом, объясняя явления различных эпох и различной общественной природы одной и той же повсюду одинаковой причиной, я вводил в свои произведения абстракцию, которой подменял реальное содержание исторического процесса.

Теория завоевания мешала Тьерри понять и природу буржуазной нации. Но его теория пропагандирует открытую борьбу против дворянских угнетателей.

Национальное единство, по мнению Тьерри, невозможно, пока существует «режим завоевания». Слова «национальная честь», «национальная безопасность» ровно ничего не значат для «подданных». Армия норманнов, расположившаяся лагерем в Англии. Нуждалась в морских силах, чтобы не быть изгнанной с завоеванной территории и чтобы завоевать другие заморские территории. Но нация покоренных «и в каком флоте не нуждалась; она стремилась к прямо противоположным целям, имея одну лишь задачу — избавиться от эксплуатации».⁹⁸ Сами завоеватели отлично понимали это. Аристократы всех стран считали себя братьями, и всякий дворянин прежде всего принадлежал к нации дворян, а потом уже был англичанином, французом и т.д. Средневековые войны дают множество примеров этому. По той же причине мы, пишет Тьерри, люди свободы, принадлежим прежде всего к нации свободных людей, и все, кто за пределами нашей страны борется за свою свободу, все, кто за пределами нашей страны умер за свободу, — наши братья и наши герои.⁹⁹

Собственно национальная вражда, по мнению Тьерри, прекратилась и национальные различия в Англии исчезли в XIV в.; последним англосаксонским восстанием было восстание Уота Тайлера в 1381 г. Во Франции с началом третьей династии возникает национальное единство и «национальная идентичность является основанием, на котором в течение стольких веков покоится единство династии».¹⁰⁰ Но это только в этническом отношении. «Режим завоевания» продолжает разделять Францию на две враждебные части, и, например, при Людовике XIV, в эпоху наивысшего развития абсолютизма, французы не были нацией, между тем как голландцы в ту же эпоху составляли нацию.¹⁰¹

Когда государство представляет собою лагерь завоевателей среди покоренного им народа, когда нет нации, а есть лишь две ожесточившиеся друг против друга партии, нет и не может быть никакого «государственного» патриотизма, и парламент, распустивший армию в то время, когда флот его величества потерпел поражение, был прав, — его вдохновлял патриотизм высший, более справедливый, чем «патриотизм вульгарный». ¹⁰² Парламент поступил так же, как поступали французские и английские рыцари, забывавшие вражду для того, чтобы общими силами обрушиться на взбунтовавшихся крестьян.

«Где нет свободы, там нет отечества», — эта мысль высказывалась неоднократно еще в XVIII веке: Вольтером в иронической статье его «Философского словаря», Руссо в «Новой Элоизе», Альфьери и его критиком Кальсабиджи. ¹⁰³ Связь понятий родины и свободы интенсивно обсуждалась еще в 1760-х годах в связи с представлением «национальной», монархической в своей сущности трагедии Дюбеллуа «Осада Кале», ¹⁰⁴ а в 1790 г. Марат писал замечательные слова: «В стране, где есть только тираны и рабы, родина не имеет сынов». ⁴ Тьерри является наследником этой традиции, которую он использует остро и своеобразно.

Родина — не клочок земли и не абстрактное имя, которым называется государство. Родина — это система учреждений, гарантирующих человеческое достоинство и независимость, это симпатия, связывающая человека с его согражданами, основанная на доверии и справедливости, это также национальные традиции и нравы, пользующиеся защитой государства и развивающиеся беспрепятственно и свободно. Пока государство будет системой насилия, гарантирующего господство одних над другими, не будет ни единой нации, ни подлинного патриотизма. Поэтому борьба за внутреннее устройство своей родины является первоочередной задачей народов.

Эта мысль постоянно встречается в либеральной французской прессе 1820-х годов. «Что такое народ без родины? Почти ничто!» восклицает либеральный «Miroir des Spectacles» (23 октября 1822).

Комментируя книгу Вильмена о Кромвеле, Тьерри удивляется тому, что среди галереи образов особенно заинтересовал читателей адмирал Блек, советовавший своим матросам не обращать внимания на то, что происходит в Лондоне, и заниматься только неприятелем. Неужели можно считать идеальным политическим деятелем военачальника, покрывающего своего деспота славой во имя славы родины? И не благороднее ли поступили Ледлоу, Бредшоу, Лильберн, открыто выступившие против тирании Кромвеля? ¹⁰⁵

Это-то больше всего и раздражало противников Тьерри, укорявших его в отсутствии патриотизма и в том, что он возбуждает распри внутри страны вместо того, чтобы укреплять ее единство и всенную мощь. Эти упреки адресовали ему и либералы. Говорили, что сентиментальное отношение Тьерри к истории мешает ему увидеть за человеческими катастрофами неуклонный прогресс цивилизации. Ведь саксы, говорил Сальванди, покорившие и истребившие кельтских обитателей острова, достойны были той же участи; кроме того, народ, не умевший защитить свою свободу и так легко склонивший выю под ярмо, не вызывает сочувствия. ¹⁰⁶

Сисмонди утверждал, что завоевание Англии норманнами вызвало быстрое развитие цивилизации, — ведь это они установили самый свободный и совершенный в Европе режим и возвратили человеку его древнее достоинство. Походы норманнов выполнили в отношении Англии ту же роль, которую выполнили походы Наполеона в отношении Европы: они цивилизовали ее. ¹⁰⁷ Приблизительно то же говорили и в доктринерских кругах: мадам де Бройль, восхищавшаяся мастерством Тьерри, удивлялась, как такие правдивые изображения могли сочетаться с такими ложными взглядами. ¹⁰⁸ Несомненно, такого же мнения должны были придерживаться и Гизо, и Кузен, и «фатальная» школа в лице Минье и Тьера.

Сен-Симон, познакомившийся с книгой Тьерри незадолго до своей смерти, упрекал автора в том, что он не учел социального прогресса, вызванного завоеванием. ¹⁰⁹ В том же духе, ¹¹⁰ защищая победителей во имя социального прогресса и выражая взгляды своей школы, отозвался о книге и Базар. ¹¹¹

Те же упреки шли и из прямо противоположного политического лагеря. «Политические пристрастия Тьерри, — пишет легитимист Неттеман, — не позволяли ему признать, что из этих человеческих осадков, принесенных завоевателями на завоеванную территорию, возникали великие народы, которые являются самым высоким выражением современной цивилизации, что из этой «ассимиляции» многих мелких национальностей, из этих конвульсий возник английский народ». ¹¹² Тьерри прекрасно понимал это, но он также утверждал, что английская конституция хранит на себе следы 1066 г. и не считал ее ни идеальной, ни «свободной»; он остро переживал ирландский вопрос, проблему кельтского населения в Шотландии — все то, что Неттеман со своим «божественным промыслом» и с «оправданием действительности» изгонял из поля своего зрения. Задачей Тьерри по существу было то, что хотел сделать анонимный автор цитируемого им памфлета против Буленвилье: не принижать большинство народа, чтобы возвысить три или четыре тысячи человек, но поставить аристократов на один уровень с горожанами и «дать им братьев вместо рабов». ¹¹³

В «Истории завоевания Англии» Тьерри рассказал судьбу народов, давно исчезнувших с лица земли или, вернее, утративших свою национальность, слившись с народом-победителем. Эти древние народы не заслужили покрывшего их забвения, и многие из них оригинальностью своих национальных свойств резко отличались от больших, поглотивших их народов. Положение «все действительное — разумно», положение, которое сводилось к лейбницевскому «все к лучшему», не успокаивало Тьерри. Он отлично понимал, что гибель этих народов была неизбежна и что результатом этих катастроф явилась европейская цивилизация. Но погибшие цивилизации также имели свою ценность и могли бы внести свой вклад в общую сумму человеческой культуры. Истребление мелких народностей является злом и наносит ущерб духовной целостности человечества. Тьерри жалеет о том, что на наших глазах — под натиском цивилизации, насаждающей капитализм вместо старинных патриархальных обществ, исчезает древнейший из живущих в Британии народов, ирландцы.¹¹⁴

Это не простая сентиментальность, неожиданно вторгающаяся в историческое исследование. Это продуманная теория, из которой Тьерри делает и политические выводы. Человеческая цивилизация кажется ему продуктом множества национальностей. В каждой национальности, как бы мала она ни была, есть нечто неповторимое и потому драгоценное, черта, которую нельзя воспроизвести и которая живет в человечестве до тех пор, пока живет ее носитель, народ. Завоевание, а особенно средневековое завоевание, уничтожает это национальное своеобразие, и потому обедняет культуру. Человечество навсегда утрачивает духовные и нравственные ценности, которые восстановить оно не в состоянии. Историю этих погибших ценностей, этих неосуществленных возможностей цивилизации и рассказывает Тьерри в своей книге.

Таким образом, несмотря на нарративный метод и строгую фактичность повествования, Тьерри все же тяготеет к истории цивилизации. Он далек от «монодийности», в которую так легко впасть историку. Не один народ, а десятки и сотни создавали историю и цивилизацию, и задача историка, по мнению Тьерри, заключается в том, чтобы обнаружить роль каждого из них в этой всемирной драме. Чем полнее изображен этот процесс, тем богаче и тем ценнее его результаты. С той же точки зрения, утверждает Тьерри, нужно рассматривать и современную, творимую нами историю; не уничтожать мелкие народности, не стирать национальные различия, а сохранять их и сочетать в широчайшей цивилизации, которая должна бы явиться синтезом и примирением всех национальных противоречий.¹¹⁵

Старая историография не знала этих вопросов. Монархическая точка зрения, для которой государство олицетворялось в монархе, рационализм, сводивший к абстрактному «общему понятию» пестрое разнообразие действительности, не благоприятствовали таким изучениям. Вместо истории национальностей, живших когда-либо на территории Галлии, классические историки рассказывали историю франков, занимавших только местность к северу от Луары. «Это значит забывать большую часть наших предков, которые, может быть, имели больше прав на наше сыновнее почтение. Первое достоинство национальной истории, написанной для великого народа, — не забыть никого, на каждой клочке почвы изобразить людей и события, которые ей принадлежат. Только история местности, провинции, родного города может вызвать наш интерес, затронув наше патриотическое чувство. Другие истории могут нам показаться любопытными, поучительными, достойными восхищения; но они не захватят нас так же сильно».¹¹⁶ «Подлинная национальная история, которая достойна была бы стать народным чтением, все еще погребена под пылью древних хроник... Следовало бы изобразить из века в век историю наших провинции, наших городов, всего, что каждый из нас любит под именем родины».¹¹⁷ «Чтобы жители всей Франции, а не только Иль-де-Франса, могли найти в прошлом свою собственную историю, наши анналы должны отказаться от ложного единства и заключить в своем разнообразии рассказ обо всех провинциях этой обширной страны, объединенной только два столетия тому назад в одно прочное и однородное целое».¹¹⁸

Так в поле зрения историка входит новая тема — история провинций. И здесь можно было взять образцом Вальтер Скотта, изобразившего «родную старину», Шотландию, с ее пестрым населением, с особыми нравами и особой проблематикой общественного развития.

Но основной заслугой Скотта было то, что в современности он обнаружил следы древних различий, глубокий этнографический рельеф в сглаженной цивилизацией и замиренной стране. Если бы до сих пор не сохранялись следы давно пережитого, если бы современные жители провинций ничем не походили на своих предков с их резко выраженными национальными особенностями, то история их города и их области была бы им так же чужда, как история Иль-де-Франса. Тьерри прекрасно понимает это. В своих «Письмах о французской истории» он поставил вопрос, в то время поражающий своей новизной: в каком отношении находятся жители современных французских провинций к древним обитателям Галлии, делившейся, как известно, на три разных страны? Каким образом сглаживались эти различия и исчезли ли они совсем? Или, может быть, следы их все

еще сохраняются в обычаях и нравах? Не являются ли доказательством этого современные диалекты, возникшие из различных говоров и языков? «Вот вопросы, значение которых колоссально, и если бы они были поставлены при изучении различных периодов нашей истории, они придали бы ей совсем новый вид». ¹¹⁹

Именно эта мысль — о вечной жизни прошедшего — легла в основу «Истории завоевания Англии», и современная критика прекрасно поняла это. Сальванди, рецензируя книгу, подчеркивал эту скрытую ее идею. Он сожалеет о том, что Тьерри не рассказал истории всех народов, игравших какую-либо роль в драме завоевания: ведь каждый из этих национальных пластов, ложившихся последовательно на почву современной Европы, оставил в наших жилах каплю своей крови. «Нет ни одного из них, который бы не оставил по себе в наследство каких-нибудь выражений языку Расина и Шекспира, поеданий — нашей истории, обычаев — нашей домашней жизни, наследственных жалоб и претензий — нашим разногласиям. Границы, установившиеся в первое время после того, как были уничтожены предгорий, также наложили заметные следы на характер и дух провинций, из которых составились большие современные государства». ¹²⁰

Еще в XVIII столетии в важнейших французских провинциях сохранялось острое сознание национальной особенности. Мирабо в собрании провансальских штатов говорил о провансальском народе, о свободе провансальской земли, о правах провансальских коммун. Провинциальные штаты, пишет Тьерри, были собраниями национальными, и до революции «французский патриотизм был подкреплен и усилен патриотизмом местным, у которого были свои воспоминания, свои интересы и своя слава. В лоне французского народа действительно существовали различные народы: был бретонский народ, нормандский, беарнский, народы Бургундии, Аквитании, Лангедока, Франш-Конте, Эльзаса». ¹²¹ Революция, уничтожив «старый режим», основанный на завоевании, уничтожила и те элементы национальных свобод, которые в нем заключались, поставив на их место централизованный деспотизм и раздробив « древние провинции на произвольно расчерченные департаменты.

По мнению Тьерри, это убивает старые местные культуры и вредит политическому и духовному развитию Франции. Умственная культура должна быть децентрализована. В каждой провинции должен быть свой очаг культуры. Знания и теории, распространяясь из Парижа в провинции, должны проверяться в этих различных национальных и местных средах и, проверенные и взвешенные, составлять общественное мнение — уже не одной только столицы, но всей страны. Тогда это повсюду живое и потому стойкое общественное мнение нельзя будет срубить одним ударом, как дерево с одним корнем. ¹²²

Тьерри, этот страстный либерал, усваивает мысль, которую с такой ненавистью к французской революции высказывал Эдмунд Берк в «Рассуждениях о французской революции». Так же, как Тьерри, в старом административном делении Франции и в старой системе управления Берк видел элементы свободы, вместе со свободой уничтоженные революцией. И так же, как Тьерри, он полагал, что подлинный патриотизм возможен лишь при патриотизме местном, и что, заменив старые провинции департаментами, законодатели подорвали любовь к родине, питающуюся местными преданиями, соками почвы, на которой вырос человек. Но у Тьерри эта мысль приобретает положительный и прогрессивный смысл. Децентрализация культуры должна была, по его мнению» гарантировать неприкосновенность Хартии от государственных переворотов и вовлечь провинции в общее умственное и политическое развитие, между тем как Берк выдвигал эту мысль как средство заморозить Францию в «старом режиме».

Следовательно, современный патриотизм, по мнению Тьерри, возможен лишь при отсутствии завоевания, при демократизме и при максимально развитом чувстве почвы и национальности. Национальная теория Тьерри прямо противоречит идее национального господства и предполагает существование многих наций на равноправных началах. Но это возможно только при федерации народов и национальных государств, — политическая мысль Тьерри несомненно движется в этом направлении, развивая жиро-рондистскую идею, против которой резко возражали якобинцы. В марте 1820 г. Тьерри читал пятитомную книгу Уордена «Статистическое, историческое и политическое описание Североамериканских Соединенных Штатов». Это была самая темная пора реакции. После убийства герцога Беррийского начались репрессии, герцог Деказ оставил портфель, политика резко шатнулась вправо. Казалось, что Хартии не выдержать. Книга Уордена была полна самых ложных и самых радужных иллюзий об этой заморской республике идеале буржуазно-демократического строя. Издали казалось, что там царит национальный мир и благоденствие. Тьерри читал Уордена с восхищением и надеждой: «Если... Древнее варварство восторжествует над новой Европой, если те, кто называл коммуны ненавистными и кто до сих пор грозит нам войной во имя своих предков, врагов наших предков, восторжествует над разумом и над нами, у нас будет средство спасения, которого не было у наших предков: море свободно, а за морем — свободный мир». ¹²³

И словно полемизируя с Тьерри, П.-Л.Курье на предложение покинуть Францию и уехать в Америку отвечает отказом: там ведь так же, как в Европе, «есть всякие Превосходительства и, что еще хуже, герои. Подождем, — может быть, мы добьемся свободы и у себя».¹²⁴

Господство третьего сословия во Франции, по мнению Тьерри, повлечет за собою децентрализацию французской культуры, оживление умственной деятельности в провинции, которая дополнит новыми качествами деятельность центра. Только в таком случае, по мысли Тьерри, возможно было бы подлинное единство, основанное не на насильственной унификации всех провинций и всех национальных элементов страны, а на уважении к их национальному своеобразию. Такое государство заключало бы в себе элементы федеративности. Оно было бы прочнее прежнего, абсолютного и централизованного. Общегосударственный патриотизм включил бы в себя местный патриотизм и приобрел бы в нем прочную базу. Эти политические идеалы несколько напоминают Канта и Гердера, видевших цель истории в «великом союзе народов» и в «гармонии наций, в дружбе и согласии всех тех, кто трудится в огромной мастерской природы». Но еще больше напоминают они «прекрасные идеи» Сен-Симона, изложенные им в «Очерке науки о человеке» и в «Переустройстве европейского общества», в котором принимал участие его молодой ученик Огюстен Тьерри.

Эти идеалы, намеченные у Тьерри мимоходом и неясно, жили скорее в мечте, чем в ожидании и надежде. Мысль о «разнообразном и гармоничном» государстве, о многонациональном, равноправном и едином человечестве была распространена в конце XVIII и начале XIX в. Для буржуазных либералов это была только мечта: национальная проблема не может быть разрешена в пределах буржуазного общества. Но то, что взоры этого историка были устремлены далеко вперед, не должно нас удивлять, — история для французских романтиков-либералов была не только изучением прошлого, но и работой над будущим.

4

Историческое чувство, выработывавшееся у людей 1820-х годов, было прежде всего чувством исторической динамики, непрестанно творимых новых качеств. Тьерри испытал это чувство, когда обратился к первоисточникам. Чтение хроник могло только поддержать его в намерении, принятом еще в 1819 г., — не смешивать краски и за каждой эпохой сохранять ее нравственное своеобразие. Ведь основной принцип, который должен усвоить историк, — «различать, а не смешивать», так как истина многообразна.¹²⁵

Прежде всего нужно бороться с тем, что Бекон назвал бы «*idola fori*». Одно и то же слово обозначало различные понятия: «Если хочешь быть историком, изучай сущность вещей и различай действительное разнообразие под единым наименованием».

Это — методологическое правило исключительной важности: «Особенно следует остерегаться абстракции и не отделять политические учреждения от обстоятельств, которые их некогда сопровождали, от той среды, в которой они, так сказать, плавали и которая придавала им свой колорит».¹²⁶ Тьерри формулировал этот принцип еще в 1820 г.: «Буква остается, дух меняется», — пишет он в пятом «Письме об истории Франции».¹²⁷ Это—принцип Вико, который через несколько лет в тех же словах был прокламирован Мишле.

Примером таких абстракций являются слова «король», «парламент», «француз», «аристократия» и т. д. Эти слова в различные исторические эпохи имели различный смысл. Хлодвиг был совсем не тем «королем», каким был Людовик XIV, и слово «француз» в IX в. означало совсем не то, что в XIX. Только изучая структуру общества, исторические условия, «детали нравов», можно предохранить себя от ошибок и понять слова и события в исторически точном виде. Тьерри был одним из первых, занявшихся конкретным анализом исторических отношений. Своим предшественником он считал Фрере (1688—1749), впервые обратившего внимание на «детали нравов».¹²⁸ Среди современников эту тенденцию он уловил в работе Вильмена («История Кромвеля»), «построенной на подлинных документах и мемуарах и воспроизводящей колорит эпохи».¹²⁹ В 1827 г. он уже имел основание говорить о новой исторической школе, главной задачей которой была «борьба с абстракцией»: под этим лозунгом выступали историки, начавшие «возрождение исторической науки».¹³⁰

Для разрешения задачи, которую поставил себе Тьерри, недостаточно «общих линий». То, что называется «историческим фактом», не есть еще историческая истина. Узнав, что в таком-то году французский король разбил своих врагов, подавил мятеж или казнил изменников, мы, в сущности, не узнаем почти ничего. Это только контур, «внешняя видимость» истории, кажущееся знание. Эти «общие линии» сами по себе ничего не говорят о нравственном смысле событий, о том, что значили они в реальной жизни народа. Они могут заключать в себе самое различное содержание, самую разнообразную человеческую правду.

Правду эту, утверждает Тьерри, можно найти только в «деталях». Только детали могут воспроизвести своеобразие и «неповторимость», отличающие всякое историческое событие. Свообразие это трудно уловимо, оно исчезает, как только забываются подробности; тогда «схема», оставшаяся в воспоминании, наполняется произвольным содержанием, заимствованным из взглядов и чувств иной эпохи. Средством борьбы с абстракцией и сопутствующим ей произволом является «местный колорит».

«Местный колорит» — это реставрация исторической истины в ее конкретности и особенности, осуществляемая тщательным изучением всей совокупности отношений и элементов данной эпохи. Здесь не помешают никакие мелочи, так как каждая новая подробность приближает нас к истине и разрушает заблуждение. Поэтому воспроизведение эпохи никогда не может быть достаточно полным, поэтому не может быть и слишком яркого местного колорита.

Даже слова и выражения, которыми пользуется историк, имеют важное значение. Проблема стиля оказывается проблемой исторического познания. Тьерри приводит примеры невольного искажения истории, которое совершали французские историки, просто пересказывавшие хроники, но своим, «улучшенным», сглаженным языком. Поэтому борьба за научный метод оказывается, в то же время борьбой за стиль.¹³¹

Из всех методологических принципов романтизма как в литературе, так и в истории, местный колорит подвергался наибольшему осмеянию: в нем видели простую игру экзотическими названиями, вульгарное украшение стиля, лишенное внутреннего смысла и реальной эстетической ценности. Такое же пустое щегольство необычными звуко сочетаниями видели и в реставрации германских национальных имен, которую Тьерри считал необходимым средством местного колорита. По его мнению, имена, которыми современные историки называют древних германских или кельтских героев, «Луи», «Тьерри», «Мерлен», «Ришар» модернизируют историю и мешают воображению воспроизвести характер людей и эпохи. Никому не придет в голову, что под именем «Луи», которое носили христианнейшие короли Франции, скрывается свирепый Хлодвиг. Кроме того, романизируя германские имена, историки затемняют самый факт завоевания. Столь же нелепо называть германскими именами деятелей, живших позже XII в., когда франкский язык давно исчез, и Хлодвиги превратились в Луи, а Теодерихи в Тьерри. «Пора, наконец, вернуть деятелям нашей истории их настоящие имена и не употреблять имен, дважды искаженных, сперва языком римлян, а потом языком старых французских хроник». В «Истории завоевания Англии» Тьерри восстанавливает все германские имена, а во втором издании «Писем» посвящает этому вопросу несколько страниц.

Реформа собственных имен вызвала некоторую сенсацию в литературном мире. Словно в ответ на статью Тьерри, «*Courrier francais*» тотчас печатает «Разговор мертвецов»: «Кловис» возмущается тем, что историки сделали из него не то святого, не то хорошо воспитанного и изящно причесанного принца. Его собеседник св. Ремигий, прощаясь, не знает, как его назвать, так как называют его самыми различными именами. Автор статьи явно сочувствует реформе Тьерри.¹³²

Сальванди, связывавший реформу имен с теорией местного колорита, признавал, что «в Галлавге, Хлот-Виге, Рик-Харде, Мирд-хине воображение легче узнает свирепых вождей или бардов полудиких орд, чем в смягченных именах Галгака, Кловиса, Ришара и волшебника Мерлина.¹³³ Шатобриан еще в 1829 г. в письме к Тьерри выразил свое согласие с ним и в «Исторических этюдах» принял его реформу, предложив лишь некоторые новые варианты, а Капегиг восстанавливал имена своих арабских и европейских героев в их первоначальной форме.¹³⁴ Гюго еще в 1823 г., разрабатывая «живописный элемент» своего «Гана Исландского», не поспешил на экзотические буквы «к», «у», «h» и «w».¹³⁵ Э.Лерминье в 1829 г. отказался от традиционной формы «Charlemagne» и писал «Karl-le-Grand», так же как и А.Дюма.¹³⁶ Наконец, принял ее и Мишле в своей «Французской истории», и его рецензент Ксавье Мармье.¹³⁷

Однако многим нововведения Тьерри казались ненужной претенциозностью. Гизо в своих «Опытах по французской истории» (1823), так же как и в позднейшей «Истории цивилизации», сохранял привычные формы, Стендаль посмеивался над манией все реформировать, даже собственные имена, Мериме иронически говорил о «благозвучной» замене Людовика Хлодтвигом,¹³⁸ а Дону, не понимавшего теории исторического колорита, новая орфография просто раздражала. Резко выступил против реформы и Шарль Нодье. Свои возражения 1829 г. он повторил и в 1841 г. в критической «диатрибе», обнаружившей полное непонимание проблемы.¹³⁹

Тьерри отвечал большой статьей, в которой утверждал права историка на местный колорит: «В истории первоначальная форма, чуждая, даже, если угодно, варварская, форма, которая удивляет читателя и уносит его далеко от его эпохи, имеет свою ценность, которой не имеет обычная форма. Поражая глаз, она предупреждает разум; она предостерегает нас от свойственной нам склонности представлять себе все согласно собственным нашим понятиям, правилам и нравам... Имя Кловис, подобное имени Амадис, совершенно противоречит суровым и кровавым представлениям о германском варварстве».¹⁴⁰ Под этими словами могли бы подписаться многие французские романтики, между тем как Леконт де Лиль, в 1840-е годы разрабатывавший свои поэтические принципы, в теории местного колорита и ономастике явился учеником Тьерри, уснащая свои поэмы неудобопроизносимыми именами и непривычной орфографией.

Для того чтобы установить точный смысл детали, чтобы за результатом обнаружить причину и по мелочам восстановить эпоху, необходимо, по мнению Тьерри, качество, которое дано не всем, — воображение. Этого-то качества и не хватало историкам эпохи классицизма. Они не могли выйти за круг привычных понятий и за пределы своего времени. Модернизация, худший враг исторического анализа, есть не что иное, как отсутствие воображения.

Детали приобретают свой смысл и обнаруживают свою тайну только в случае, если ими оперирует воображение. Предмет материального быта останется непонятным, если усилием мысли не восстановит его первоначальной функции. По краткому сообщению о мятеже, происшедшем в каком-нибудь графстве, по размеру выкупа в Уложении о наказаниях, по форме официальных обращений и титулу владетельного лица нужно установить реальные отношения классов и наций, характер гражданской войны, причины, определявшие поведение людей. Нужно «продолжить» документы в действительность, представить себе их значение в реальной обстановке. Историк должен «перевплотиться» в своего героя, представить себя в тех условиях, в которых существовали саксонец XI в. или франк VI в. Он должен понять, как отзывался на судьбе и психологии его героя тот или иной закон, какие последствия вызывали война или нашествие.

Но простая подстановка себя на место средневекового человека была бы худшим видом исторического искажения. Исторический реализм требовал воскрешения средневекового человека во всем своеобразии его нравов, представлений и страстей, совершенно не похожих на современные. Установить историческую правду, воскресить прошлое — значит, по мнению Тьерри, вернуть ему то яркое человеческое чувство, которое и делало его человеческой историей.

Тьерри действует методом, прямо противоположным методу «философской» истории. Он не презирает этих «варваров», но внушает сочувствие к ним. Не из-за «предрассудков» и не из «невежества» проливали они потоки крови и погибали в борьбе. Они боролись за высокие идеалы национальной свободы. Чем полнее читатель усвоит их страсти, тем сильнее он сам воспламенится этими чувствами, тем активнее он будет сражаться за свою свободу. Следовательно, перевоплощение было средством активизировать читателя в общественной борьбе, а погружение в старину должно было вернуть его к современности. Такая методика казалась более тонкой и политически более эффективной, чем методика старой школы.

Тьерри, работая над «Историей завоевания Англии», видел своих героев, как живых: «Одни пели под звон кельтских арф, ожидая возвращения Артура, другие плыли по бурному морю с тою же беспечностью, с какою лебеди плещутся на озере; третьи в опьянении победы собирали груды добычи, отнятой у побежденных, измеряя веревкою землю, чтобы разделить ее между собою, считая и пересчитывая семьи поголовно, как скот; наконец, те, которых одно поражение сразу лишило всего, ради чего стоит жить, покорно смотрели, как чужеземец садится хозяином у их собственного очага, или, в неистовстве отчаяния, бежали в леса и жили там, как живут волки, разбойничая, убивая, но оставаясь свободными».¹⁴²

Здесь мы стоим на грани между историческим исследованием и художественным творчеством, и сам Тьерри говорит о некоем вдохновении и экстазе, охватывавшем его в часы напряженной работы. Какого характера было воображение, создавшее столь яркие картины — «художественное» в узком смысле этого слова или «логическое», лишь «продолжающее» указания, которые даны были материалом? С точки зрения самого Тьерри, такого противопоставления в разработанном им историческом методе не существовало. Для него это было научное, строго логическое и вместе с тем несомненно художественное, «творческое» воссоздание прошлого. Каждое слово его книги было подтверждено документами, и вместе с тем в ней было то, чего не говорили никакие памятники.

«Местная правда (*verite locale*), разлитая по всему произведению г-на Тьерри, составляет одну из существенных его особенностей, — писал Сальванди. — Его талант действительно возрождает те народы, прах которых он хотел одухотворить. Он вызывает у нас сочувствие к их судьбе, знакомя нас с ними, посвящая нас во все тайны их религиозной и гражданской жизни».¹⁴² «Г-н Тьерри, — писал Л. Берне, — угадал неведомые язвы и тайные скорби народов».¹⁴³ «Гениальный писатель», — называл его Чернышевский.¹⁴⁴

Сила «одухотворения» была настолько велика и так отчетливо начинали говорить документы, что естественно приходило на ум слово «ясновидение». «Он обладал тем даром ясновидения, который является подлинным гением и внутренним светочем историка», — писал Шарль Маньен,¹⁴⁵ и еще Ренан утверждал, что из всех других историков века Тьерри отличает эта «прямая интуиция», непосредственное проникновение в чувства и страсти прошлого.¹⁴⁶

Тьерри прибегает к драматическим и живописным средствам не для того, чтобы украсить свое повествование, и не для того, чтобы привлечь внимание читателя. Искусство здесь не является чем-то посторонним исследованием, добавлением к нему. Научный метод Тьерри необходимо включает в себя метод художественный. Этому требовали задачи, которые ставил Тьерри исторической науке. Ведь только максимальная конкретность может спасти от абстракций. Но такую конкретность, весь этот «местный колорит» в логических категориях не передать. Поэтому только художественный образ и только повествование могут разрешить задачи, стоящие перед историком.

Нарративный метод удовлетворял Тьерри вполне. «Я полагал, пишет он, что если я буду придерживаться повествования, а не рассуждения, даже в изложении событий и общих следствий из них, я смогу сообщить историческую жизнь массам и отдельным лицам, и тогда политическая судьба народов представит такой же человеческий интерес, какой невольно вызывает наивный и подробный рассказ о превратностях судьбы и приключениях отдельного человека».¹⁴⁷

Чтобы повысить художественную силу своего произведения, Тьерри пытался сохранить манеру старинных историков, — либо современников событий, либо наиболее близких к ним. Он изгоняет «рассуждения», чтобы не помешать единству стиля и вместе с тем не разрушить художественной иллюзии.

Однако он не хотел ради «местного колорита» воспроизводить язык средневековых хроник, да это было и невозможно: рассказывая о событиях, происходивших на протяжении нескольких сот лет, он должен был бы каждую главу писать новым языком, не говоря уже о том, что писал он историю разных народов и большую часть документов переводил с других языков. «Я хотел... писать стилем серьезным, но без ораторской напыщенности, и простым, без нарочитой «наивности» и архаизма; изобразить людей прошлого с печатью их времени, но языком моей собственной эпохи».¹⁴⁸ Это приблизительно та же позиция, какую принял Вальтер Скотт в предисловии к «Айвенго».

На этот путь Тьерри вступил еще в 1820 г., когда печатал свои «Письма о французской истории». Поэтому нельзя говорить о влиянии на него «Истории герцогов Бургундских».¹⁴⁹ Когда появились первые тома сочинения Баранта (июль 1824 г.), Тьерри давно разрешил все принципиальные вопросы стиля и уже два года писал свою книгу.

Однако рассказать обо всем нельзя. Из множества дел и людей приходится выбирать, выдвигать ту или иную фигуру, как более типичную, на первый план, чтобы сдвинуть другие в глубину картины. Приходится выбирать между разными рассказами об одном и том же событии. В таком случае принцип достоверности легко может быть подменен принципом типичности, а типичность может и совсем не совпадать с достоверностью.

Действительно, ведь художественный образ, — тот образ, который Тьерри хотел извлечь из своих материалов, — по самой природе своей символичен. Он емок и суггестивен, он объясняет потоки чувств, циркулирующие в массах, социальные силы, определяющие события. Поэтому для высшей правдивости образа неважно, действительно ли существовал когда-либо оригинал его» или он создан из нескольких оригиналов, или, наконец, целиком вымыслен автором для выражения общей исторической правды. Ведь Вальтер Скотт, «величайший мастер исторической дивинации», был романистом.

К такому выводу привела Тьерри страстная погоня за достоверностью, за конкретной и несомненной исторической правдой. В поисках подлинной детали он широко использует современные хроники, пересказывая латинские тексты, жития святых, народные баллады, приводит точные слова своих персонажей, говорит о малейших их жестах и расчетах, о сновидениях и чудесах, — правда, приписывая последние вере и фантазии современников. Этими подробностями полна «История завоевания Англии».

Тьерри обвиняет новых историков в том, что они искажали или обесцвечивали подлинники, смягчая средневековые тексты, пересказывали их и отбрасывали детали, казавшиеся им грубыми или невероятными. Тьерри восстанавливает первоначальный текст, как подлинный. Часто он принимает не только факты, но и точку зрения старой хроники: он верит ей, например, когда она сообщает, что граждане Эксетера сдали свой город норманнам, «так как их вожди обманули их», и принимает характеристики, которые старинные летописцы дают темным героям средневековья.

Но достоверны ли средневековые тексты? Можем ли мы верить историкам церкви, безымянным авторам «житий», благочестивым легендам и народным балладам?

С точки зрения прямой и грубой достоверности почти все источники Тьерри должны быть взяты под сомнение. Мало того: самая четкость и конкретность сведений, которые сообщают хроники, заставляют предполагать в них значительный процент свободного творчества. Таким образом, именно то, что больше всего» оценил Тьерри в своих «подлинных» документах, оказывается неправдоподобным. Может быть, правы были «новые» историки, вольно пересказывавшие эти древние слова и дела, оставляя лишь общий абрис событий, более вероятный, чем характерная деталь?

Но все это — с точки зрения грубой достоверности. Верно ли, что Тьерри действительно не понимал таких простых вещей? Неужели он думал, что Вильгельм-Завоеватель действительно произнес цicerоновскую речь, переданную нам «источниками»? Неужели, цитируя средневековую латинскую поэму, Тьерри не понимал, сколько здесь «творчества» и чего стоит документальность сообщаемых ею сведений в прямом и элементарном смысле слова.

Почти все историки разрешают этот вопрос в положительном смысле: Тьерри будто бы безоговорочно верил своим так называемым подлинникам: в его душу не закрадывалось сомнение в том, что все так и происходило, как рассказывали легенды и поэмы.¹⁵⁰

Это заблуждение. Тьерри отлично понимал, что речь Вильгельма, приведенная в его источниках, не может быть подлинной, — хотя бы уже потому, что эти три источника друг с другом не совпадают, и потому, что, составляя ее заново, он должен был ее переделывать и исправлять. Он знал, что речь эта — вымысел, может быть основанный на какой-нибудь устной традиции. Предполагая, что Вильгельм действительно обратился к солдатам с каким-то увещанием, он счел себя вправе принять в качестве иллюстрации событий речь, составленную из трех средневековых текстов. Она казалась ему правдивой — не потому, что она была достоверна, но потому, что она была воспроизведена современными документами, следовательно, была создана в том же духе и колорите, в каком могла бы быть произнесена самим полководцем. Вымышленная хрониками и исправленная Тьерри, речь-Вильгельма действительно прекрасно выражала мотивы, руководившие завоевателями.¹⁵¹

Еще большее развитие нарративная манера получает в «Рассказах из эпохи Меровингов». Тьерри предпринял разработку темы, которая классикам казалась слишком грубой и варварской. Неудачу трагедии Вьенне «Кловис» (преьера 19 октября 1820 г) объясняли непоэтичностью материала. «Героические времена современной Европы, — писал Вандербур, — это эпоха рыцарства и крестовых походов, так как тогда варварство сменяла цивилизация... Самая история этого времени (эпохи Хлодвига) вызывает негодование и отвращение, и, кроме того, французы не могут теперь интересоваться ни завоеваниями франков, ни несчастьями галлов».¹⁵²

И все же эпоха эта продолжала привлекать. В хронике Григория Турского, которую Барант называл бездарной и бесцветной,¹⁵³ среди множества анекдотов историки находили колорит и сюжетность, просившуюся в роман для на сцену. Тьерри она казалась плохо составленной галереей картин и барельефов, из которой умелая рука могла бы создать большую поэму. И он пытался написать о Григории Турском и его современниках «одновременно и художественное и научное произведение».¹⁵⁴ Тьерри приводит доводы в пользу чистого повествования. «Диссертации» не помогут нам понять эпоху Меровингов, это сосуществование и взаимопроникновение двух различных культур «Я попытаюсь вслед за рассуждениями о вещах показать сами вещи и изобразить людей, характеры и нравы в действии».¹⁵⁵

Итак, Тьерри принимает, как подлинную правду, то, что он считает фактически недостоверным. Вымысел кажется ему истиной именно потому, что это вымысел. И, кроме того, что есть тетина? Предание, в которое народ вложил свою страсть, мечту, свою ненависть, для историка интереснее и правдивее, чем событие, вокруг которого это предание сложилось. То, что «вчувствовал» народ в событие, становится фактом биографии этого народа.

Борис Георгиевич РЕИЗОВ

6

Чувство исторического динамизма предполагает новое понятие эпохи. Расчленив непрерывный поток времени на отдельные обособленные периоды, историк вместе с тем устанавливает внутри каждого периода прочные связи, общие черты, свойственные всем его элементам и деталям. Эпоха накладывает свой отпечаток на все явления личной и общественной жизни, — ведь только благодаря этому она имеет свою собственную физиономию. Таким образом, вместе с ощущением особенности каждой данной эпохи необходимо растет и ощущение ее единства.

Характер эпохи определяется происходящей в ней борьбой. Борьба эта налагает свою печать на все отношения эпохи и определяет систему ее внутренних противоречий. Следовательно, единство эпохи — в ее противоречивости, и проблема местного колорита — в том, чтобы восстановить эту противоречивую гармонию времени.

С другой стороны, самое понятие эпохи и местного колорита требует «синтетической» истории, охватывающей всю жизнь нации, ее борьбу и этапы ее долгого исторического существования. «В наше время, — пишет Тьерри, — нельзя писать историю с одной какой-либо точки зрения. Наш век не допускает этого. Он требует, чтобы ему рассказали все, чтобы нарисовали и объяснили жизнь народов в различные эпохи, чтобы определили роль каждой эпохи, ее характер и значение».¹⁵⁶

Тьерри включает в поле своего зрения совершенно новые материалы — фольклор, предания, хроники, написанные на давно умерших языках, факты, до того не привлекавшие внимания историков. В историю был введен новый герой — народ, который прежде заслоняли фигуры отдельных лиц, полководцев, министров и королей. История из биографии одного человека превращалась в биографию миллионов.

Ливии, Плутарх и Светоний писали портреты отдельных лиц. Это было мастерство глубоко изученное, много раз повторенное.¹⁵⁷ Но написать биографию масс, дать портрет безликого коллективного существа — значило изобрести новый жанр, почти не имевший прецедента. Правда, древние историки характеризовали целые народы при помощи тех или иных нравственных категорий, до Тьерри не могли удовлетворить эти слишком общие, абстрактные характеристики. Он ставит себе целью показать этнографическое лицо народа, его единственное, неповторимое своеобразие, проявляющееся в исключительных, тоже единственных и неповторимых, местных и политических условиях. Здесь бесполезны общие психологические характеристики и риторические эпитеты, может быть, непригодны и всякие эпитеты вообще. Представление об этом массовом герое может дать только подробный рассказ о его жизни, испытаниях и подвигах. Но так как это герой коллективный, то испытаний и подвигов будет много, столько же, сколько событий в его национальной истории. Поэтому, по мнению Тьерри, только в подробном повествовании, только нарративным методом можно дать представление о национальном своеобразии этого героя.

Повествование должно включить не одну только «внешнюю» жизнь народа, т.е. не одни только политические формы его существования, но и историю всей внутренней борьбы его с завоевателями или королями, всех вспышек и судорог его национального самосознания. Историки, интересовавшиеся преимущественно королями и писавшие историю верховной политической власти, излагали завоевание Англии в рассказе об одном дне Гастингской битвы. У Тьерри история завоевания длится три столетия. История англосаксов, как самостоятельной национальности, распадается на бесчисленные события, и мелкие восстания на окраинах норманнского владычества, стычки в шотландских предгорьях или приморских болотах, протесты городов и монастырей оказываются не менее характерными, чем крупные сражения, решившие исход завоевания.

Тьерри оправдывает новую точку зрения соображениями эмоционального и социологического характера: современный читатель демократической Франции требует иных зрелищ, его не может взволновать то, что волновало королей и их придворных. Этот метод рассуждения отнюдь не нов, но здесь он приводит не к замене одного индивидуального героя другим (короля — мещанином, как в буржуазной драме XVIII в). Тьерри упраздняет индивидуального героя совсем и выводит героя массового, многоголового и бессмертного.

«Люди могут симпатизировать целым народам, словно чувствующим существам, жизнь которых, более продолжительная, чем наша, также наполнена попеременно скорбью и радостью, надеждой и отчаянием. Рассматриваемая с такой точки зрения, история прошлых времен оказывается почти такой же интересной, как и современность: все те же люди на наших глазах страдают и надеются. В этом и заключается величайшая прелесть исторических изучений».¹⁵⁸

Следовательно, особенностью коллективного героя является его «множественность», которая требует обширнейшего действия, расчлененного на многочисленные и разнообразные эпизоды, иначе говоря, нарративной истории. Только нарративная история может включить в себя все стороны жизни народа и всякий ее эпизод, показать в зримых образах все это огромное прошлое.

«В истории метод повествования — всегда самый верный, между тем как тонкости логической аргументации, которые вводят в историю, иногда бывают опасны для истины... Демократический характер установления коммун лучше всего было бы показать, оставив рассуждение ради повествования, скрыв свою собственную личность и предоставив слово фактам».¹⁵⁹

Чтобы рассказать драму двадцати народов, происходившую на территории Европы в течение нескольких столетий, повествование должно быть широким и емким. Не стесненное строгими рамками классического «единства действия», оно должно члениться на множество эпизодов и на любом повороте дороги принимать в себя новые толпы героев. Оно должно стать грандиозной исторической эпопеей. Здесь Тьерри вновь сталкивается с чисто литературной проблемой.

Как все повествовательные жанры, историю часто сравнивали с эпопеей. Эпопеей называли «Всемирную историю» Боссюэ, Геродот считался учеником Гомера, а Гомер — первым историком. Об этом вспоминает и Сальванди, определяющий «Историю завоевания» Тьерри как историческую эпопею.

«Самый возвышенный из поэтов был, в сущности, лишь первым историком. Эпический ритм и религиозные аллегории «Илиады» свидетельствуют лишь о младенческом состоянии Греции, но не составляют величия Гомера. Если бы он родился на несколько веков позднее, он стал бы не петь, а писать, как Геродот. А древний Геродот, который стоит ближе всех к временам неподражаемого барда, написал интереснейшее повествование только потому, что он близко подражал своему великому образцу: он остался так далеко позади него только потому, что действие его не обладает той же силой и единством, а его рассказ — тем же захватывающим интересом».

Сальванди уподобляет историю эпоса и по внешним, формальным признакам: «Из всех созданий человеческого духа, на наш взгляд, история больше всего походит на эпос».

Ее можно даже рассматривать как великолепную модель, почти божественный образец, в согласии с которым историк, насколько возможно, должен создавать свое произведение. В его распоряжении сколько угодно сражений, страстей и бедствий, которые он должен описать. Так же, как поэт, он может найти в вековой борьбе, постоянно терзающей человечество, интерес, охватывающий все действия, связывая его с судьбой той или иной партии, народа, учения, о трудах, успехах, заблуждениях или бедствиях коих он рассказывает. И он также может сделать эти со источниками восторга, — г-н Тьерри доказал это».¹⁶⁰

У Сальванди были основания назвать работу Тьерри эпосом. Прежде всего, повествовательный метод, поражающая в научном произведении художественность изложения и широко ветвящееся действие, распадающееся на множество эпизодов, разнообразных, но подчиненных единой идее. Затем обширность замысла, который охватывает, как и полагается эпосу, целые народы, столкнувшиеся в смертельной борьбе. Так же, как в эпосе, действие происходит в обоих враждующих лагерях. В изобилии найдете вы здесь «нравы», бытовые сцены на фоне городского или сельского пейзажа, и сцены батальные, и страсти, руководящие ступками второстепенных и главных героев. Есть в «Истории завоевания» и эпическая роковая сила, тень Судьбы, падающая на многие главные фигуры. Этот момент мотивирован у Тьерри, конечно, не вмешательством сверхъестественных сил, как бывало. В эпосе, но неизбежными законами национальной борьбы, вызываемой завоеванием. Подлинно эпическое впечатление производили последние страницы десятой книги, рассказывающей о смерти Генриха Плантагенета и о причинах его «роковых» раздоров с сыновьями.

Наконец, произведение это обладает единством, подобным эпическому. Это не «история» в полном смысле этого слова, — не последовательное повествование о различных событиях, связанных между собой лишь чередованием времен. Это рассказ о едином событии, продолжающемся столетия, с единым многомиллионным героем. Книга задумана как некое сюжетное целое. Этим она резко отличается от предшествовавших ей работ. Отзываясь РС похвалой о трудах Шерон-Тернера и Лингардта, Тьерри противопоставляет им свою книгу: «Я не мог поставить себе целью дать Исчерпывающие сведения о политическом, гражданском и умственном состоянии англосаксов и галло-норманнов. Мне даже пришлось оставить без рассмотрения много интересных вопросов, чтобы не загромождать сцены, на которой должны были действовать эти два народа в великой драме завоевания. Это — правило, от которого я не отступал, с величайшей тщательностью пересматривая свою работу, так как, на мой взгляд, всякое историческое сочинение есть произведение искусства в той же мере, что и учености: забота о форме и стиле здесь нужна не меньше, чем изучение и критика фактов».¹⁶¹

Здесь речь идет, прежде всего, о композиции: «Найти форму для задуманного мною идеального произведения было тем труднее, что я принципиально не хотел облегчить себя, подражая какому-нибудь образцу. Я не хотел воспроизводить ни историческую манеру философов прошлого века, ни манеру средневековых хронистов, ни даже античных повествователей, несмотря на все мое восхищение ими. Я хотел, по мере сил своих, сочетать в сложном методе широкое эпическое движение греческих и римских историков с наивным колоритом авторов легенд и строгой логикой современных писателей. Я хотел... рассказывать со всеми подробностями, чтобы до конца исчерпать подлинники, но не прерывая повествования и не нарушая единства целого».¹⁶²

Однако единство это резко отличалось от единства классических эпосов. Классическая эпопея ограничивала время своего действия сравнительно небольшим сроком (от двух до трех месяцев) — действие Тьерри длилось три с лишним столетия. Событие, воспеваемое классической эпопеей, единично, а эпизоды ее — случайные отклонения от основного стержня, приятное развлечение, имеющее к главному событию мало отношения. У Тьерри само главное событие состояло из эпизодов, слагалось из них. Но основное различие заключалось в том, что героем классической эпопеи была отдельная личность, а у Тьерри героем был народ.

Особенностью массового героя, по словам самого Тьерри, является то, что он «не может умереть». Действие длится веками. Оно в высшей степени драматично, так как герой его — наш вечный современник или мы сами. Это совершенно новое понятие драмы, неизвестное классицизму, так как под именем драмы классицизм разумел четкость драматической концепции с твердо определенным началом и концом действия. В этом новом понимании идея драматизма порывает свои связи с формальными признаками, драма длится так же долго, как жизнь бессмертного героя и включает десятки сюжетов. Единство ее — не только композиционное, но и историческое, и первый образчик его Тьерри нашел в романах Вальтер Скотта. Перечитывая их, он понял, что внутреннее единство придает им история.

Заканчивая свое произведение и словно подводя итоги своей художественной работы, Тьерри снова говорит о Скотте — о его драматической концепции истории.

Прелесть Вальтер Скотта, пишет Тьерри, заключается не в живописных пейзажах Шотландии, но в изображенных им политических катастрофах, «всегда кровавых, но никогда не вызывающих отвращения, так как страсть и убеждение играют в них гораздо большую роль, чем козни». Национальная борьба придавала окраску всем политическим событиям в Шотландии и являлась основной пружиной, вечно действующей и напряженной, постоянно вызывавшей брожение. «Это было причиной значительной и политической деятельности, резких контрастов в нравах и верованиях, большого разнообразия оригинальных характеров, словом, всего того, что придает истории драматизм и живописность.

Скотт перенес в свои романы основные черты шотландской истории — потому-то даже вымышленные его персонажи так глубоко правдивы. Изображая политическую или религиозную революцию, он всегда объясняет ее, как необходимое следствие более глубоких причин. «Может быть, стремясь только к тому, чтобы сильнее поразить воображение контрастом нравов и характеров, он проник к самому источнику исторической истины».

Таким образом, драматизм Вальтер Скотта, его психология, увлекательный сюжет, правдивость характеров и нравов — все это объясняется его историзмом, тем, что он понял глубочайшие причины исторической жизни своего народа и на подлинной истории построил свой правдивый вымысел. История переходит в роман и передает ему все свое очарование. Она и конструирует его. Единство романа, тот «живой интерес, который впервые возбудили любовные повести, вставленные в оправу национальной истории», также объясняются качествами его материала. Интересом своих романов Скотт обязан историческому своеобразие и единству шотландской истории, которого _____ какой другой национальной истории.¹⁶³

Тьерри понимал, что книга его может приобрести драматический интерес только в том случае, если ее композиционным принципом будет единство исторических событий. Тем самым он создал принцип исторического единства, столь характерный для французского исторического романа. Это — единство процесса, цикл событий, имеющих единый исторический смысл. Понятие широкое и емкое, не ограниченное никакими внешними правилами, определяемое лишь идейной интерпретацией событий. Такое единство должно было возникнуть из материала, оно требовало воображения и творческой мысли, и в каждом произведении проявлялось по-разному: На место единства классического и формального Тьерри поставил единство романтическое и шекспировское, единство смысловое. Оно-то и создало это огромное патетическое «полотно» из груд материалов, погребенных в хрониках, легендах и балладах.

Страсть Тьерри к характерной детали, к местным тонам не препятствует историческим обобщениям и не разрушает гармонии целого. Принцип «различать, а не смешивать» заключал в себе и принцип обобщения. В историографической системе Тьерри, так же как и в философской системе Кузена, разнообразие необходимо предполагало единство.

Местный колорит, отличая одну эпоху от другой, создает единство каждой данной эпохи. Тщательный анализ «подробностей» создал обобщенную картину завоевания Англии. Более того, с точки зрения Тьерри только конкретная деталь, воскрешающая людей и эпоху, может обнаружить смысл человеческой истории.

«В трудных обстоятельствах народ всегда стремится обратить свои взоры в прошлое, ему интересно знать, каковы были и что совершили люди, которые прежде наших современников выступили на сцену мира и передали нам свое имя. Почти всегда великие воспоминания прошлого внушают и силу и спокойствие. Нет в этом ничего сверхъестественного, необъяснимого: вспоминая то, что сделали для нас предшествовавшие поколения, мы начинаем понимать, что нас связывает с ними нечто вроде обязательства; желание сохранить нашу свободу, нашу национальную честь, наше благополучие представляется нам нашим долгом».¹⁶⁴

Это идея непрерывного развития. Из рук в руки передают нам наши отцы свои завоевания и надежды, и мы продолжаем, в строгой нравственной преемственности, дело социального совершенствования, завещанное прошлым. Вместе с чувством ответственности история внушает нам мысль о том, что мы не одни, внушает чувство исторического единства народа.

Но Тьерри ощущает симпатию и ко всем тем, кто, независимо от национальности и эпохи, боролся за те же идеалы. Это не только политический лозунг и не только теоретический постулат. В «Истории завоевания Англии» с одинаковым сочувствием рассказана борьба десяти различных народов и с полной силой выражено чувство мировой солидарности и ответственности. Тем самым понятие национальной свободы перерастает в понятие свободы интернациональной, и единство народа становится единством всего порабощенного и борющегося за свою свободу человечества.

Единство это не только политическое, но и нравственное. Все, кто столетия назад страдал и боролся за свою независимость имеют право на наше сочувствие. Чтобы история имела какой-нибудь смысл, она должна вызывать симпатию к исчезнувшим поколениям и к иным историческим мирам. Вот почему Тьерри в своих ранних методологических статьях так настойчиво требует от истории интереса ведь интерес может возбудить только зрелище человеческих переживаний, понятных людям всех веков и народов.

Это ощущение жизни, живых человеческих масс, проходивших когда-то по удобренной европейской земле, история может дать только конкретным, детальным и живописным изображением прошлого Чем строже реставрация эпохи, чем богаче детали, тем полнее настоящая человеческая правда, тем сильнее наше сочувствие и тем острее ощущение единства, связывающего нас со всеми жившими на земле людьми, со всеми боровшимися за свои права, за высокие идеалы справедливости.

Деталь, о которой мы говорим, отнюдь не «мертва». Наоборот, ней-то и заключается вечная жизнь прошлого. Благодаря ей история становится не только живописной, как роман, но и, как роман, правдивой В этом секрет Вальтер Скотта, бывшего величайшим историком потому, что он был величайшим романистом. «В мир, которого уже нет, он помещает мир существующий, который будет существовать всегда, т.е. человечество, со всеми тайнами которого он знаком». И словно поясняя это, Тьерри говорит о даре ясновидения, который позволяет Скотту постигать прошлое со всеми его специфическими особенностями, наружностью людей, жилищами и костюмами. Не в этом ли «тайны человечества», которые познал Скотт, и не в этом ли психологическом вживании в деталь заключается знаменитое «воскрешение старины».

Следовательно, способность «дивинации», как выражается Тьерри, — одна из главных способностей историка; это не что иное, как сила сочувствия, на которую он способен. Поэтому она зависит от его личного и общественного опыта, от эпохи, свидетелем и участником которой он был. «Пусть каждый благоразумный человек . проверит своими собственными воспоминаниями то, что он читал или слышал о событиях прошлого он тотчас же почувствует жизнь под пылью веков, — так как любой из нас, людей XIX века, знает лучше, чем Велли и Мабли, лучше даже, чем сам Вольтер, что такое восстания и завоевания, расчленение государств, падение и реставрация династий, демократические революции и реакции в противоположном направлении».¹⁶⁵

Операции историка, с помощью собственного опыта восстанавливающего события прошлого, предполагают известные законы, действующие с одинаковой силой в аналогичных обстоятельствах. Действительно, Тьерри часто указывает на закономерную последовательность событий, происходящих в разные эпохи. 'Распадение империи Карла I он объясняет по аналогии с распадением империи Наполеона «Теперь мы знаем, каковы нравственные последствия всякого господства, установленного завоеванием, к опьянению военной славой, которое испытывает под знаменами завоевателя армия, составленная из людей разных национальностей, присоединяется глубокая ненависть к иностранному господству, страсть более устойчивая, чем первая; она растет в тишине и в конце концов увлекает за собою все». Это закономерное чередование события происходило в IX в. с той же необходимостью, как и в XIX в.' Средневековые революции коммун проходили те же фазы, что и революция 1789 г.¹⁶⁶ Сперва подданные просят о предоставлении им свободы, которую власть имущие дают им с внешней благожелательностью. Затем эти последние раскаиваются и нарушают свои обещания. Тогда начинают бушевать народные страсти. Эта последовательность, говорит Тьерри, отличает большие революции, но с той же точностью она проявляется и в восстании маленького городка, так как она — следствие интересов и страстей, которые, в сущности, всегда остаются одними и теми же. В XII веке в политических революциях господствовал тот же закон, что и в XVIII, закон высший и непреложный, который будет управлять и нашими детьми так же, как он управлял нами и нашими отцами».¹⁶⁷

Слова эти имели в виду современные дела. Ведь и Бурбоны также под давлением обстоятельств и народных требований «даровали» Хартию, раскаялись, нарушили свои обещания и возбудили страсти народа, взволнованного сознанием явной несправедливости, мстью и страхом за будущее. Как все либеральные историки 1820-х годов, Тьерри угрожает Бурбонам, ссылаясь на опыт истории.

В пестрой смене исторических событий, в необычайном разнообразии деталей, по мнению Тьерри, существует некая закономерность, регулирующая ход человеческих дел. Завоевание вызывает определенные следствия в социальных отношениях, структуре общества, законодательстве. Оно неизбежно влечет за собою национальную и общественную борьбу, выражающуюся в восстаниях, культе местных преданий, своеобразном фольклоре и т.п. Закон этой общественной борьбы проникает во все области духовной деятельности и окрашивает все сферы жизни.

Исторические законы, по мысли Тьерри, не столь абсолютны, как законы физические. Сила их действия, сфера распространения, форма, в которой они проявляются, — все это изменяется в зависимости от множества условий. Они гораздо более «свободны», чем законы механики, так как являются скорее мотивами, вызывающими свободную реакцию человеческой воли, нежели абсолютной и «внешней» необходимостью. Они часто живут и умирают вместе с эпохой, так как в большинстве случаев сами определены эпохой, взаимоотношением ее сил, идеями, над нею властвующими, общим состоянием психики, которое обладает устойчивостью лишь относительной. Поэтому в большинстве случаев исторический закон относителен, это только «закон эпохи».

Но эти вопросы в теоретических сочинениях Тьерри не разработаны с достаточной ясностью. Мы имеем право говорить лишь о некоторой общей тенденции его исторического мышления. Он пытается наметить некие общие психологические закономерности, позволяющие интерпретировать человеческие поступки любой эпохи, и, с другой стороны, с максимальной полнотой изучить всю сумму условий, которые в каждую данную эпоху направляют человеческую деятельность по особому руслу и вызывают своеобразный местный колорит, исторически «единственную», конкретную правду данной эпохи.

В этом непрерывном движении, которое является непрерывной борьбой, человечество разрешает задачи социального и вместе нравственного характера. Оно совершенствуется, завоевывает свободу общественную и личную. Противоречия между завоевателями и покоренными уничтожаются, все больше обнаруживается то единение в труде и счастье, которое предсказывал бывший учитель Тьерри Сен-Симон. Борьба коммун с королевской властью, английского парламента с королем, «третьего сословия» с Бурбонами Тьерри рассматривает как этапы этого исторического совершенствования и как осуществление замыслов провидения.¹⁶⁸ Но как узко было это совершенствование и как ограничены были исторические горизонты Тьерри, видевшего «провиденциальный» смысл истории в торжестве и процветании «третьего сословия».

Эти взгляды сближали Тьерри с другими историками — «доктринерами» и «либералами» Реставрации, и даже ссылка на «провидение», редко упоминавшееся Тьерри в 20-е годы, в этом отношении довольно характерна. Однако он резко выступал против молодой исторической школы, видевшей в истории одно только обнаружение идей, а в людях и событиях — чередование более или менее смутных символов. Это вторжение философии в историю Тьерри кажется упадком науки. «Трансцендентальная» школа, т.е. школа Мишле и Кине, увела историю с верного пути и превратила ее в вечную «психомахию» (борьбу идей). И, ссылаясь на Кузена, от которого и вела свое начало эта школа. Тьерри протестует против смещения философии и истории: «Всякая национальная история, которая превращается в историю идей и протекает в абстракциях и формулах, утрачивает свое подлинное содержание; она извращается и погибает». В борьбе с новыми формами абстракции Тьерри требует возвращения к анализу: «Нашу историю после быстрого развития может затормозить подражание трансцендентным методам и формам. Нужно решительно вернуть ее к действительности, к анализу; новых истин искать не *над*, но *внутри* ясно поставленных проблем».¹⁶⁹

Ненависть к реакции и желание оправдать французскую революцию заставили Тьерри обратиться к истории. Недавний исторический опыт и современные события позволили ему понять происходившую в истории классовую борьбу, между тем как его общественная позиция ограничила теорию классовой борьбы буржуазными представлениями и теорией феодального завоевания. Его общественная позиция и политические задачи эпохи подсказали ему теорию местного колорита, интерес и доверие к документам, понимание эпохи, исторического процесса, субъекта истории, национального вопроса и идеального государственного строя.

Новый научный метод определил и литературную позицию Тьерри. Выработка научного мирозерцания была для него борьбой с классицизмом. Его метод был прямой противоположностью классическим принципам, — философским, политическим и эстетическим. Все, начиная от взгляда на человека и его психологию и кончая лексикой, было ему в классицизме чуждо и враждебно. Не литературные «вкусы», не увлечение яркими красками или интересными сюжетами заставили Тьерри упорно сокрушать классическую систему, но необходимость научного метода, более адекватного историческому материалу, более эффективного в общественной борьбе.

То идеальное историческое исследование, которое он пытался осуществить в «Истории завоевания Англии», неизбежно должно было включить в себя элементы художественного творчества. Разрешение, которое он дал своим замыслам, было predetermined самой исследовательской задачей. «Литература» в работах Тьерри не была компромиссом, на который наука соглашается ради популяризации или удобства изложения. Стиль для него — не косметика, но орудие исследования. Местный колорит, реставрация эпохи на основании характерных деталей, весь этот исторический анализ для своего осуществления требовал художественного синтеза. Разрешая свою исследовательскую задачу, Тьерри в сущности организует новую историческую поэтику во всех основных и принципиальных ее положениях. Тьерри чувствовал свое родство с современным литературным движением и считал себя одним из его деятелей. Отлично понимали это и современники, а Г.Планш говорил, что в развитии новых идей «История завоевания Англии норманнами» имела такое же значение, какое имел «Театр Клары Гасуль» Мериме в истории литературы.¹⁷⁰

¹ См. Г.В.Плеханов. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории — Соч., т.VIII, стр.16.

² E.Renan. Essais de morales et de critique, 1859, стр.116, и Ch.-M. des Granges. Notes romantiques. — «Revue d'histoire litteraire de la France», 1905, стр.611. Историю своих отношений с Сен-Симоном Тьерри собирался рассказать в предисловии к предполагавшемуся сборнику своих статей, однако намерение это, как и самый сборник, осталось неосуществленным. См. Augustin Thierry. Augustin Thierry d'apres sa correspondance et ses Papiers de famille — «Revue des Deux Mondes», 15 декабря 1921 г., т.VI, стр.864.

³ Сен-Симон. Собр.соч., 1923, стр.82.

⁴ Письмо от 13 января 1814 г. — «Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin», т.XV, стр.150—151.

⁵ «L'Industrie litteraire et scientifique liguee avec l'Industrie commerciale et manufacturiere». Tome I-er, seconde partie, «Politique», par Aug.Thierry, fils adoptif de Henri Saint-Simon» В мае того же 1817 г. вышел новый тираж.

⁶ См. «Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin», т.XVIII, стр.12

⁷ Первая статья Тьерри в «Censeur Europeen» (т.II, стр.107—168) посвящена выборной системе. Тьерри не перепечатал ее в сб. «Dix ans d'etudes historiques» (1835) и не упомянул о ней, рассказывая о своем творческом развитии.

⁸ Там же, т.XV, стр.163—164, 165, 206. Совершенно такая же характеристика английской конституции была дана Сен-Симоном и в «Очерке науки о человеке» (1813). Соч, 1923, стр.141. Тот же взгляд сказывается и в «Письмах к американцу», 1817—1818 г. Ср. Соч, 1923, стр.199.

⁹ «Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin», т.XV, стр.187

¹⁰ Сисмонди говорит о федерации у этрусков и в итальянских республиках доримского периода и прославляет федерации итальянских республик, сражавшихся единым фронтом с императором (ср. «Histoire des rep.it.», т.I, стр. II—III, т.IX, стр.1—5 и др.). Малле, прославляя свободный дух Ганзейской федерации, все же утверждает, что в настоящее время федерации не могут сопротивляться мощному внешнему врагу, и в конституциях крупных современных государств должен быть «элемент монархический». — «De la Ligue hanseatique», стр.VII. Ср. выше, стр.50

¹¹ «Vue des revolutions d'Angleterre»—«Censeur Europeen», т. IV, 1817. Перепечатано в очень сокращенном виде в «Dix ans d'etudes historiques», 1835. В дальнейшем ссылаемся на это издание. Те же мысли разработаны в статье Тьерри по поводу книги Дестюта де Траси о «Духе законов»: «Commentaire sur «L'Esprit des lois de Montesqieu». — «Censeur Europeen», 1818, стр.231. Статья эта уже была перепечатана.

¹² «De l'Esprit des lois», кн.XIX, гл.21.

¹³ Ср. рассуждения Бланкенбурга в «Versuch fiber den Roman», 1774, стр.12—17, где противопоставляются культуры античная, в которой надо всем господствуют интересы города-государства, и новая, имеющая своим идеалом свободу и счастье личности.

¹⁴ Saint-Just. Esprit de la revolution et de la constitution de France (1791). — Oeuvres completes, т.I, 1908, стр.265.

¹⁵ См В.А.Бутенко Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации, т. I, 1913. стр. 165.

¹⁶ «Censeur Europeen», т.I, 1817, стр. 64—69.

- ¹⁷ «Hist. des rep.it.», 1818, т.I, стр.XVIII; т.XVI, гл.CXXVI. Ср. запись Сисмонди в дневнике 1823 г. — «Fragments du journal de Sismondi et de sa correspondance avec m-lle de Sainte-Aulaire», 1863, стр 78.
- ¹⁸ P.- C.- F.Daunou. Essai sur les garanties individuelles, 1819, стр.133—134.
- ¹⁹ B.Constant. Cours de politique, т.IV, ч.VII, 1820.
- ²⁰ V.Cousin. Esquisse d'un systeme de philosophic morale et politique, в книге: «Philosophic de Kant», 1864. Тьерри посвятил этому курсу две статьи в «Courrier francais», 1819—1820.
- ²¹ Ср. «De l'Esprit des lois», кн.XI, гл.VI.
- ²² Ср. Chateaubriand. Opinion sur la resolution relative au clerge (1816). — Oeuvres completes, т.VIII, стр.201.
- ²³ См Duvergier de Hauranne Histoire du gouvernement parlemetaire en France, т.II, стр.342.
- ²⁴ Cardinal de la Luzerne. Sur la difference de la constitution anglaise et de la constitution francaise, и его же: «De la responsabilite des ministres» (1818.) Цит. у Duvergier de Haunanne, ук.соч., т.III, стр.526.
- ²⁵ «Reflexions morales et politiques sur quelques opinions et theories de notre temps», 1820, стр.11.
- ²⁶ В.А.Бутенко, ук.соч., стр.399.
- ²⁷ «Censeur Europeen», т.I, 1817, стр.1 сл.
- ²⁸ «Revue Encyclopedique», 1819, т.I, стр.451.
- ²⁹ A.Thierry. Sur le sens primitif et l'etendUi du titre de roi. — «Censeur Europeen», 24 декабря 1819 — «Dix ans d'etudes historiques», 1835, стр.251. В последующих изданиях книги эта статья не перепечатывалась. Ту же мысль Тьерри подробно развивал еще в 1818 г. См. «Censeur Europeen», 1818, т.VII, стр.226—227.
- ³⁰ Saint-Just. Discours sur la constitution a donner a la France (24 апреля 1793) —Oeuvres completes, т.I, стр.429.
- ³¹ «Vue des revolutions d'Angleterre» — «Dix ans d'etudes historiques», стр.12.
- ³² «Dix ans d'etudes historiques». — Oeuvres completes, т.III, 1880, стр.336. В первом издании эти слова отсутствовали. Наиболее демократические революционные деятели еще в начале революции понимали подлинный характер английской конституции. Среди всеобщего увлечения ею, характерного для конституционалистов и «умеренных», Марат уже в августе 1789 г. предостерегал французских законодателей от подражания английской конституции, характеризуя ее как «цепи рабства». См. Ж.-П.Марат. Памфлеты, 1934, стр.106—165.
- ³³ Некоторые критики причину расхождения усматривали в «плохом характере» Сен-Симона. И. Иванов объясняет этот разрыв различием между философским (у Сен-Симона) и публицистическим (у Тьерри) складом ума.
- ³⁴ Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм, 1901, стр.225—226.
- ³⁵ Ср. «Sur l'histoire de la constitution anglaise» (1827) —«Dix ans d'etudes historiques», стр.159.
- ³⁶ См. A.Thierry. Considerations sur l'histoire de France. — Oeuvres completes, т.IV, 1880. История вопроса критически изучена в книге М. А. Алпатов «Политические идеи французской историографии XIX века» 1949 ч.I, гл.1 и 2.
- ³⁷ Здесь получил свое отражение миф о «германской свободе», резко сформулированный Монтескье и усвоенный большинством историков XVIII в., например, историком Дании Малле. Даже Марат, сражаясь с феодализмом и деспотией, принимает это положение. См.Марат. Цепи рабства (22 августа 1789). «Памфлеты», стр.117 сл. Книга Мабли «Observations sur l'histoire de France» (1765, 2 т.) пользовалась такой популярностью, что еще в 1823 г. Гизо напечатал свои «Опыты о французской истории» как дополнение к ее новому изданию.
- ³⁸ О книге Туре «Abrege des revolutions de l'ancien gouvernement francais» (1800) см. М.А.Алпатов, ук.соч., стр.48—49.
- ³⁹ «De la litterature consideree dans ses rapports avec les institutions sociales». — Oeuvres completes, 1844, т.I, стр.239.
- ⁴⁰ M-me de Stael. Oeuvres posthumes, 1844, стр.153 и 56; B.Constant. De Madiame de Stael et de ses ouvrages. — «Melanges de litterature et de politique», 1829, стр.196—197.

- ⁴¹ «De la Monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours... par M. le comte de Montlosier, député de la noblesse aux États Généraux», 4 т., 1814.
- ⁴² См., например, статьи «Histoire' véritable de Jacques Bonhomme» 12 мая 1820 г. и «Sur l'antipathie de race qui divise la nation française», 2 апреля 1820 г., написанные в период реакции, последовавшей за убийством герцога Беррийского (13 февраля 1820). Последняя статья, вопреки утверждению Дегранжа (цит. соч., стр. 619) перепечатана во всех изданиях сборника «Dix ans d'études historiques». «Тьерри хочет сделать для коммун то, что Буленвилье и Монлозье пытались сделать для знати», — писал Гизо Форелью после появления первых «Писем», 22 октября 1820. Цит. у С. de Lollis: «A. Manzoni e gli storici liberali; francesi della Restaurazione», 1926, стр. 7.
- ⁴³ Montlosier. De la Monarchie française depuis le retour de la maison de Bourbon, 1815, стр. 396. Цит. у Алпатовой, укр. соч., стр. 55.
- ⁴⁴ Chateaubriand Reflexions politiques — Oeuvres complètes, т. VII, стр. 85.
- ⁴⁵ F. Guizot. Du Gouvernement représentatif en France, en 1816. — «Melanges politiques et historiques», 1869, стр. 9.
- ⁴⁶ Об этом см «Английская буржуазная революция XVII века» под ред. акад. Н. А. Косминского и Я. А. Левицкого. Изд. АН СССР, 1954, т. I, стр. 204, 228, 288—289, т. II, стр. 174—175
- ⁴⁷ Ср. «Dix ans d'études historiques», стр. VI.
- ⁴⁸ «Sur l'esprit national des Irlandais» — «Censeur Européen» — «Dix ans d'études historiques», стр. 122—130. «Dix ans d'études historiques», стр. IX. Там же, стр. IX—X.
- ⁴⁹ «Dix ans d'études historiques», стр. XI.
- ⁵⁰ Там же, стр. XIII
- ⁵¹ «Sur la conquête de l'Angleterre par les Normans. A propos du roman d'«Ivanhoe» — «Censeur Européen», 29 мая 1820. — Там же, стр. 131—140.
- ⁵² A. Thierry. Lettres sur l'histoire de France, 1827, стр. 50. Ср. стр. 67. Тьерри говорит о Скотте, не упоминая его имени, и в «Истории завоевания Англии норманнами», 1825, т. I, стр. XIV.
- ⁵³ «Dix ans d'études historiques», стр. XIII—XIV. Современники отлично понимали значение Скотта для новой исторической школы и часто преувеличивали это значение. Так, Стендаль называл Тьерри «полу-Скоттом» (письмо от 22 октября 1820. — «Correspondance», т. V, стр. 383), а «Globe» говорил, что теория Тьерри явилась дальнейшей трансформацией идеи «Айвенго» (21 мая 1828, стр. 419).
- ⁵⁴ A. Thierry «Recits des temps mérovingiens», Preface (1840) — Oeuvres complètes, т. IV, стр. 10—12; — Сент-Бев («Chateaubriand et son groupe littéraire», II изд., 1861, т. II, стр. 23 прим. В первом издании этого примечания нет), а вслед за ним и К. Жюллиан («Extraits des historiens français du XIX siècle», 1913, стр. XIII прим.) сомневаются в искренности этих слов, объясняя их желанием польстить маститому писателю. О значении этой песни легендарного Рагнара Лодброка, которую Шатобриан, слегка переделав, включил в свою поэму, см. J. F. Beck. Ragnar Lodbrock's swan song in the French romantic movement. — «Romanic Review», июль 1946. Эту же песнь в 1895 г. вольно перевел А. М. Горький с текста, приведенного в «Истории завоевания Англии». См. М. Горький. Стихотворения. «Библиотека поэта», малая серия, 1947, стр. 169—170.
- ⁵⁵ «Lettres sur l'histoire de France», стр. VI—VII.
- ⁵⁶ «Dix ans d'études historiques», стр. XIV.
- ⁵⁷ «Dix ans d'études historiques», стр. XVIII—XIX.
- ⁵⁸ «Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en l'Angleterre, -en Ecosse, en Irlande et sur le continent», 4 т. В дальнейшем ссылаемся на это издание. Второе издание, дополненное приложениями, вышло в январе 1826 г. В третьем издании 1830 г. Тьерри внес изменения, которые мы учитывали, когда это было необходимо.
- ⁵⁹ «Lettres sur l'histoire de France, pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire». Второе издание — в ноябре 1828 г.
- ⁶⁰ 22 декабря 1882. К. Маркс и Ф. Энгельс Письма, 1932, стр. 346.
- ⁶¹ Отец.

- ⁶² Третьего сословия.
- ⁶³ Народом.
- ⁶⁴ Духовенству и дворянству.
- ⁶⁵ Исторических корней антагонизма, рожденного со вчерашнего дня.
- ⁶⁶ Корни.
- ⁶⁷ 27 июля 1854. Соч., т. XIX, стр. 48.
- ⁶⁸ Б. Ф. Поршневу полагает, что Тьерри открыл классовую борьбу только в этой своей книге 1853 г., между тем как в ней он скорее пытался «закрыть» ее «Как ни странно, — пишет Б. Ф. Поршневу. — но идея классовой борьбы, заимствованная Тьерри у сен-симонистов, была развита им для обоснования классового мира» («Народные восстания во Франции перед Фрондой», 1948, стр. 22). Мы видели, что идея эта была сформулирована Тьерри еще в 1817 г. до выступления на сцену сен-симонистов, и это дало основание Марксу Тьерри, а не Базара или Анфантена, назвать «отцом классовой борьбы» О теории классовой борьбы у Гизо и Тьерри, а также об эволюции их взглядов после 1830 г. см. Robert Fossaert. *La theorie des classes chez Guizot et Thierry* — «La Pensee», 1955, № 59.
- ⁶⁹ «Journal des Debats», 29 июня 1825, стр. 4.
- ⁷⁰ «Essais de morale et de critique», стр. 117.
- ⁷¹ «Lettres sur l'histoire de France», стр. 3—4.
- ⁷² «Censeur Europeen», 12 июля 1819. — стр. 72.
- ⁷⁴ «Courrier Francais», 13 июля 1820. ⁷³ «Dix ans d'etudes historiques»,
- ⁷⁵ Там же, стр. 324—325.
- ⁷⁶ «Histoire de la conquete», II изд., т. IV, стр. 138.
- ⁷⁷ Sur l'affranchissement des communes» — «Courrier francais», 13 октября.
- ⁷⁸ «Courrier francais», декабрь 1820. — «Lettres sur l'histoire de France», стр. 68. В след. изданиях «Писем» статья была изъята и перепечатана в «Dix ans d'etudes historiques». Впоследствии статья подверглась переработке: последняя фраза добавлена в позднейшем издании. См *Oeuvres completes*, т. III, 1880, стр. 584.
- ⁷⁹ «Lettres sur l'histoire de France», стр. 87—89.
- ⁸⁰ 1820 г. — «Dix ans d'etudes historiques», стр. 348.
- ⁸¹ «Histoire de la Conquete», изд. III, 1830, т. I, стр. 160.
- ⁸² «Histoire de la Conquete», т. III, 1825, стр. 148—149
- ⁸³ «Revue Encyclopedique». 1825, т. 28, стр. 82.
- ⁸⁴ См. Предисловие издателей (Амедея Тьерри и Эме Мартена) к посмертному изданию «Истории завоевания» (1860, т. I, стр. IV—V). Историю «легенды» о Бекете см. P. Alonzo Brown. *The development of the legend of Thomas Becket*, 1930.
- ⁸⁵ Ср. E. Renan, *ук. соч.*, стр. 127.
- ⁸⁶ «Sur l'antipathie de race qui divise la nation francaise» — «Censeur Europeen», 2 апреля 1820 г. — «Dix ans d'etudes historiques», стр. 297.
- ⁸⁷ «Histoire de la conquete», т. I, стр. VI.
- ⁸⁸ «Dix ans d'etude's historiques», стр. XVI.
- ⁸⁹ «Trois tetes sous un bonnet, ou M. M. B Constant, Jay et Guizot», 1820 стр. 30—31.
- ⁹⁰ «Revue contemporaine», 1853, т. IX, стр. 508—509.

- ⁹¹ «Revue Encyclopedique», 1825, т.28, стр.85.
- ⁹² Г.В.Плеханов. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. — Соч., т.VIII, стр.20.
- ⁹³ «Censeur Europeen», 28 февраля 1820. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.122 сл.
- ⁹⁴ «Censeur Europeen», 29 мая 1820. — Там же, стр. 135
- ⁹⁵ «Courner francais», 1821. — Там же, стр.148
- ⁹⁶ Эти слова, заключающие статью о Муре, были перепечатаны из «Censeur Europeen» в первом издании «Dix ans d'etudes historiques» (стр. 130), но в последнем издании выпущены Причина понятна: в предисловии к «Истории третьего сословия», в 1853 г., когда стирался антагонизм между дворянством и буржуазией и с особенной остротой чувствовался антагонизм между буржуазией и пролетариатом, Тьерри счел возможным говорить о заслугах дворянства в развитии французской культуры (Огюстен Тьерри. Избранные сочинения, 1937, стр.6), и эти слова прямо противоречили тому, что он писал о рыцарстве в 1820 г.
- ⁹⁷ Ср. «Histoire de la conquete», т.I, 1825, стр.202—203.
- ⁹⁸ «Censeur Europeen», 7 февраля 1820. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.253. В позднейших изданиях эта статья выпущена.
- ⁹⁹ «Dix ans d'etudes historiques», стр.135—136.
- ¹⁰⁰ Там же, стр.254—255. Это одна из статей, которые Тьерри, выпуская последнее издание сборника, решил «предать забвению».
- ¹⁰¹ Г.В.Плеханов. Соч. т.VIII, стр.22.
- ¹⁰² И.В.Сталин. Соч., т.2, стр.296.
- ¹⁰³ Там же, стр.303.
- ¹⁰⁴ «Censeur Europeen», 1817. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.46—47.
- ¹⁰⁵ «Censeur Europeen», 17 апреля 1820.—Там же, стр.81—82. Тьерри имеет в виду неаполитанскую и испанскую революции, а также, может быть, Чарла ланда, находившегося в это время под судом и казненного через месяц после напечатания статьи 20 мая 1820 г)
- ¹⁰⁶ «Histoire de la conquete», т. III, стр.536—537.
- ¹⁰⁷ «Lettres sur l'histoire de France», стр.120—122.
- ¹⁰⁸ «Мы не были тогда нацией», пишет Тьерри в 1819 г. («Dix ans d'etudes historiques», 1835, стр.63). Впоследствии он подвергает эту фразу любопытному исправлению: «Мы не были тогда *свободной* нацией». — («Oeuvres-completes, т.III, 1880, стр. 397). Исправление это свидетельствует об изменении понятия «нация».
- ¹⁰⁹ «Censeur Europeen», 23 сентября 1819. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.90.
- ¹¹⁰ Alfieri. Tragedie, 1801, т.I, стр.50. «Delia tirannide», кн. I, гл. VII.
- ¹¹¹ Литература приведена у Margaret M.Moffat. Le «Siege de Calais»et l'opinion publique. — «Revue d'histoire litteraire de la France», 1935, стр.345.
- ¹¹² Марат. Польские письма. — «Памфлеты», 1934, стр. 94. Совершенно то же по форме, но в противоположном смысле говорили эмигранты, оправдывая контрреволюционную гражданскую войну, «войну против родины». См. Montlosier. Memoires. — «Bibliotheque des memoires relatifs a l'histoire de France pendant le 18-e siecle», т.XXXVI, 1881, стр.279.
- ¹¹³ «Dix ans d'etudes historiques», стр.65—66.
- ¹¹⁴ «Journal des Debats», 25 июня 1825, стр.3.
- ¹¹⁵ «Revue Encyclopedique», 1825, т.28, стр.88, 91.
- ¹¹⁶ Письмо Баранту от 21 июля 1825 г. — Barante. Souvenirs, т.III, стр.248.

- ¹¹⁵ «Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin», т.I, изд. II, 1865 стр.118.
- ¹¹⁶ «Le Producteur», 1826.
- ¹¹⁷ «Revue Contemporaine», 1853, т.X, стр. 8 и 22.
- ¹¹⁸ «Lettre d'un conseiller du parlement de Rouen», 1730. См. A.Thierry. Oeuvres completes, т.IV, стр.51.
- ¹¹⁹ «Histoire de la Conquete», т.III, стр.428—429.
- ¹²⁰ «Histoire de la Conquete», т.I, стр.XI—XIII.
- ¹²¹ «Lettres sur l'histoire de France», стр.7—8.
- ¹²² Там же, стр.3.
- ¹²³ «Lettres sur l'histoire de France» —Oeuvres completes, т III, 1880, P.29. Эта фраза добавлена Тьерри впоследствии, в первом издании ее нет.
- ¹²⁴ «Lettres sur l'histoire de France», т.III, стр.29—30. В первом издании этой фразы нет.
- ¹²⁵ «Journal des Debats», 23 апреля 1825, стр.3.
- ¹²⁶ «Censeur Europeen», 2 февраля 1820. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.265—266.
- ¹²⁷ «Censeur Europeen», 1820 — Там же, стр.290.
- ¹²⁸ «Censeur Europeen», 2 апреля 1820. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.299—300.
- ¹²⁹ «Памфлет о памфлетах» (1824) — стр.249.
- ¹³⁰ «Lettres sur l'histoire de France», стр.10.
- ¹³¹ «Sur l'histoire de la constitution anglaise». 1827. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.205.
- ¹³² «Courrier francais», 10 сентября 1820, стр.4. Перепечатывая письмо, Тьерри опустил эти слова.
- ¹³³ Oeuvres completes, т.IV, стр.39.
- ¹³⁴ «Dix ans d'etudes historiques», стр.80.
- ¹³⁵ Там же, стр.159.
- ¹³⁶ См. примеры из Велли, Дюгальяна, Мезере, Анкетилия и др. в «Письмах о французской истории». Ср. также «Рассуждения о французской истории». — Oeuvres completes, т.IV, стр.32—33. В 1820 г., в статье, где впервые появляется у Тьерри термин «местный колорит», Тьерри подчеркивает литературные достоинства своего метода: современная история так холодна и монотонна потому, что все в ней фальшиво и причесано, и только правда, заключающаяся в местном колорите, может внести в нее остроту и интерес («Dix ans d'etudes historiques», стр.321). Но когда местный колорит вошел в поэтику романтической школы как простое средство возбуждения интереса, Тьерри счел нужным подчеркнуть его *познавательное* значение: в «Истории завоевания Англии» он говорит о колорите, как о «необходимом условии ни только интереса, но также и исторической истины» (т.I, стр.15).
- ¹³⁷ «Sur quelques erreurs de nos ecrivains modernes» — «Censeur Europeen», 1820. — «Dix ans d'etudes historiques», стр.315. — Этой проблеме посвящены многие письма о французской истории 1820 г. В последующих изданиях сборника часть этих рассуждений выпущена, а написание германских имен изменено. Тьерри не всегда последовательно германизировал имена франкских королей, иногда употребляя традиционные французские имена вместо германских: «Charlemagne» вместо «Karl le Grand» и т.д.
- ¹³⁸ «Dialogue des morts. Clovis et Saint-Remy». — «Courrier francais», 26 октября 1820, стр.3—4.
- ¹³⁹ «Journal des Debats», 13 июля 1825, стр. 3.
- ¹⁴⁰ «Memoires d'outre-tombe», ed. Bire, т.V, стр.106; «Etudes historiques». — Oeuvres completes, т.IX, стр. 2.
- ¹⁴¹ R.Capefigue. Histoire de Philippe-Auguste, 1829.

- ¹⁴² См. предисловие к первому изданию, датированное январем 1823 г. Об увлечении «романтическими согласными» (K и W) см. иронические замечания Т.Готье в повести «Daniel Govard» («Les Jeune-France», Bibl. Charpentier, стр.91).
- ¹⁴³ Lerminier. Introduction generale a l'histoire du droit, suivie de la Philosophie du droit, Bruxelles, 1836, стр.248, A.Dumas. Impressions de voyage. — «Revue des Deux Mondes», 1833, т.III, стр.5. Статья эта напечатана в том же томе, где появилось «Новое письмо о французской истории» Тьерри, ставшее впоследствии первой главой «Рассказов из эпохи Меровингов». Новой орфографии Дюма придерживается и во фрагменте «Des revolutions de la royaute en France», извлеченной из предисловия к «Chroniques de France» — «Revue des Deux Mondes», 1833, т.III, стр.435 сл.
- ¹⁴⁴ «Revue des Deux Mondes», 1835, т.I, стр.208.
- ¹⁴⁵ 2 сентября 1837. «Correspondance». ed. Le Divan, т.II, стр.128.
- ¹⁴⁶ Nodier. Melanges tires d'une petite bibliothdque, 1829. (Дону подхватил эту полемику в хронике «Journal des Savants», июнь 1829, стр. 382, хотя в своих рецензиях о работах Тьерри от выступлений такого рода воздержался) . Nodier. Diatribe du docteur Neophobus contre les fabricateurs de mots — «Revue de Paris», октябрь 1841.
- ¹⁴⁷ Oeuvres completes, т. III, 1880, стр.667.
- ¹⁴⁸ «Dix ans d'etudes historiques», стр.XXI.
- ¹⁴⁹ «Journal des Debats», 13 июля 1825, стр.3.
- ¹⁵⁰ L.Boerne. Gesiammelte Schriften, т.VIII, стр.220.
- ¹⁵¹ Н.Г.Чернышевский. Полн.собр.соч, т.III, 1947, стр.737.
- ¹⁵² «Revue des deux mondes», 1841, т.XXVI, стр.345.
- ¹⁵³ «Essais de morale et de critique», стр.110.
- ¹⁵⁴ «Histoire de la conquete», т.I, стр.X.
- ¹⁵⁵ Там же, т.I, стр.IX—X.
- ¹⁵⁶ «Dix ans d'etudes historiques», стр.XXIII—XXIV.
- ¹⁵⁷ «Успех Баранта, — пишет К.Жюллиан, — ... побудил его написать повествование о «Завоевании Англии» («Extraits des historiens francais du XIX siecle», 1913, стр. XXVI).
- ¹⁵⁸ Cp Jullian, ук.соч , стр.XXVII, G.P.Gooch. History and Historians in the Nineteenth Century, 1913, стр.172, и др
- ¹⁵⁹ См Г.В.Плеханов Соч., т.VIII, стр.20.
- ¹⁶⁰ «Journal des Savants», 1821, стр.99.
- ¹⁶¹ Barante. Melanges historiques et litteraires, 1835, т.I, стр.60.
- ¹⁶² «Dix ans d'etudes historiques», стр 379
- ¹⁶³ «Considerations sur l'histoire de France» — Oeuvres completes, т.IV, 1880, стр.209 Это сочинение напечатано как введение к «Рассказам об эпохе Меровингов» То же пишет он и Огюсту Троньону «Я не могу найти другое средство, чтобы изобразить эпоху, подобную этой, когда история не обладает единством и рассыпается на частные факты» — А.-О.Тьерри, ук.соч, т.VI, стр.861 — «Revue des Deux Mondes», 15 декабря 1921.
- ¹⁶⁴ «Histoire de la conquete», т.I, стр.VIII—IX.
- ¹⁶⁵ «Histoire¹ de la conquete», т.III, стр.288—289.
- ¹⁶⁶ «Lettres sur l'histoire de France», стр.XI.
- ¹⁶⁷ «Journal des Debats», 13 июля 1825, стр.2 Позднее то же повторит Сент-Бев «Causenes du lundi», т.VII, стр.26 (статья о Мишо).

¹⁶⁸ Предисловие к третьему изданию, датированное 3 февраля 1830 г., т.I, стр.3.

¹⁶⁹ «Dix ans d'etudes historiques», стр.XXIII—XXIV.

¹⁷⁰ «Sur l'histoire d'Ecosse et sur le caractere national des Ecossois» — «Dix ans d'etudes historiques», стр.149—150.

¹⁷¹ «Courrier francais», 13 июля 1820 — «Dix ans d'etudes histonques», стр.323. Ср. то же «Письмо» в окончательной редакции в «Lettres sur l'histoire de France», письмо I.

¹⁷² Французское «interet» семантически ближе к слову «сочувствие», чем к русскому слову «интерес».

¹⁷³ «Lettres sur l'histoire de France», стр.X.

¹⁷⁴ «Lettres sur l'histoire de France», стр.90.

¹⁷⁵ Там же, стр.143—144.

¹⁷⁶ Там же, стр.182. Ср. также стр.166, 282 и др.

¹⁷⁷ Ср. письмо к мадам де Сиркур (13 апреля 1850). «litteraire de la France», 1897, стр.609.

¹⁷⁸ «Considerations sur l'histoire de France», т.IV 1880, стр.147—148.

¹⁷⁹ G.Planche. Portraits litteraires, 1848, т.I, стр.185—186.